

COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES

[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.COM](https://scientific-conference.com)

CHICAGO. CLOUD GATE

CXIV INTERNATIONAL CORRESPONDENCE SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW
OF THE PROBLEMS AND PROSPECTS
OF MODERN SCIENCE AND EDUCATION**

ISBN 978-1-64655-172-9

Boston. USA. May 12-13, 2026

ISBN 978-1-64655-172-9

UDC 08

**CXIV INTERNATIONAL CORRESPONDENCE
SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
«INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW OF
THE PROBLEMS AND PROSPECTS OF
MODERN SCIENCE AND EDUCATION»
(Boston. USA. May 12-13, 2026)**

BOSTON. MASSACHUSETTS
PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA
2026

INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW OF PROBLEMS AND PROSPECTS OF MODERN SCIENCE AND EDUCATION / COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES. CXIV INTERNATIONAL CORRESPONDENCE SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE (Boston, USA, May 12-13, 2026). Boston. 2026

EDITOR: EMMA MORGAN
TECHNICAL EDITOR: ELIJAH MOORE
COVER DESIGN BY DANIEL WILSON

CHAIRMAN OF THE ORGANIZING COMMITTEE: *VALTSEV SERGEI*
CONFERENCE ORGANIZING COMMITTEE:

Abdullaev K. (PhD in Economics, Azerbaijan), *Alieva V.* (PhD in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Akbulaev N.* (D.Sc. in Economics, Azerbaijan), *Alikulov S.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Anan'eva E.* (D.Sc. in Philosophy, Ukraine), *Asaturova A.* (PhD in Medicine, Russian Federation), *Askarhodzhaev N.* (PhD in Biological Sc., Republic of Uzbekistan), *Bajtasov R.* (PhD in Agricultural Sc., Belarus), *Bakiko I.* (PhD in Physical Education and Sport, Ukraine), *Bahor T.* (PhD in Philology, Russian Federation), *Baulina M.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Blejh N.* (D.Sc. in Historical Sc., PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Bobrova N.A.* (Doctor of Laws, Russian Federation), *Bogomolov A.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Borodaj V.* (Doctor of Social Sciences, Russian Federation), *Volkov A.* (D.Sc. in Economics, Russian Federation), *Gavrilenkova I.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Garagonich V.* (D.Sc. in Historical Sc., Ukraine), *Glushhenko A.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Russian Federation), *Grinchenko V.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Gubareva T.* (PhD in Laws, Russian Federation), *Gutnikova A.* (PhD in Philology, Ukraine), *Datij A.* (Doctor of Medicine, Russian Federation), *Demchuk N.* (PhD in Economics, Ukraine), *Divnenko O.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Dmitrieva O.A.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Dolenko G.* (D.Sc. in Chemistry, Russian Federation), *Esenova K.* (D.Sc. in Philology, Kazakhstan), *Zhamuldinov V.* (PhD in Laws, Kazakhstan), *Zholdoshev S.* (Doctor of Medicine, Republic of Kyrgyzstan), *Zelenkov M.YU.* (D.Sc. in Political Sc., PhD in Military Sc., Russian Federation), *Ibadov R.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Republic of Uzbekistan), *Il'inskih N.* (D.Sc. Biological, Russian Federation), *Kajrakbaev A.* (PhD in Physical and Mathematical Sciences, Kazakhstan), *Kaftaeva M.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Klinkov G.T.* (PhD in Pedagogic Sc., Bulgaria), *Koblanov Zh.* (PhD in Philology, Kazakhstan), *Kovaljov M.* (PhD in Economics, Belarus), *Kravcova T.* (PhD in Psychology, Kazakhstan), *Kuz'min S.* (D.Sc. in Geography, Russian Federation), *Kulikova E.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Kurmanbaeva M.* (D.Sc. Biological, Kazakhstan), *Kurpajanidi K.* (PhD in Economics, Republic of Uzbekistan), *Linkova-Daniels N.* (PhD in Pedagogic Sc., Australia), *Lukienko L.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Makarov A.* (D.Sc. in Philology, Russian Federation), *Macarenko T.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Meimanov B.* (D.Sc. in Economics, Republic of Kyrgyzstan), *Muradov Sh.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Musaev F.* (D.Sc. in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Nabiev A.* (D.Sc. in Geoinformatics, Azerbaijan), *Nazarov R.* (PhD in Philosophy, Republic of Uzbekistan), *Naumov V.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *Ovchinnikov Ju.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Petrov V.* (D.Arts, Russian Federation), *Radkevich M.* (D.Sc. in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Rakhimbekov S.* (D.Sc. in Engineering, Kazakhstan), *Rozyhodzhaeva G.* (Doctor of Medicine, Republic of Uzbekistan), *Romanenkova Yu.* (D.Arts, Ukraine), *Rubcova M.* (Doctor of Social Sciences, Russian Federation), *Rumyantsev D.* (D.Sc. in Biological Sc., Russian Federation), *Samkov A.* (D.Sc. in Engineering, Russian Federation), *San'kov P.* (PhD in Engineering, Ukraine), *Selitrenikova T.* (D.Sc. in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Sibircev V.* (D.Sc. in Economics, Russian Federation), *Skripko T.* (D.Sc. in Economics, Ukraine), *Sopov A.* (D.Sc. in Historical Sc., Russian Federation), *Strekalov V.* (D.Sc. in Physical and Mathematical Sciences, Russian Federation), *Stukalenko N.M.* (D.Sc. in Pedagogic Sc., Kazakhstan), *Subachev Ju.* (PhD in Engineering, Russian Federation), *Sulejmanov S.* (PhD in Medicine, Republic of Uzbekistan), *Tregub I.* (D.Sc. in Economics, PhD in Engineering, Russian Federation), *Uporov I.* (PhD in Laws, D.Sc. in Historical Sc., Russian Federation), *Fedos'kina L.* (PhD in Economics, Russian Federation), *Khiltukhina E.* (D.Sc. in Philosophy, Russian Federation), *Cuculjan S.* (PhD in Economics, Republic of Armenia), *Chiladze G.* (Doctor of Laws, Georgia), *Shamshina I.* (PhD in Pedagogic Sc., Russian Federation), *Sharipov M.* (PhD in Engineering, Republic of Uzbekistan), *Shevko D.* (PhD in Engineering, Russian Federation).

PROBLEMS OF SCIENCE
PUBLISHED WITH THE ASSISTANCE OF NON-PROFIT ORGANIZATION
«INSTITUTE OF NATIONAL IDEOLOGY»

VENUE OF THE CONFERENCE:
1 AVENUE DE LAFAYETTE, BOSTON, MA 02111, UNITED STATES
TEL. OF THE ORGANIZER OF THE CONFERENCE: +1 617 463 9319 (USA, BOSTON)
THE CONFERENCE WEBSITE:
[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.COM](https://scientific-conference.com)

PUBLISHED BY ARRANGEMENT WITH THE AUTHORS
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/deed.en>

Contents

CHEMICAL SCIENCES	5
<i>Khamdamova Sh.Sh., Isakov B.Sh., Igamberdiev B.G., Akmalxonova M.I.</i> (Republic of Uzbekistan) MICROSTRUCTURAL ANALYSIS OF ANTI-CAKING ADDITIVE FOR AMMONIUM NITRATE / <i>Хамдамова Ш.Ш., Исаков Б.Ш., Игамбердиев Б.Г., Акмалхонова М.И.</i> (Республика Узбекистан) МИКРОСТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ АНТИСЛЕЖИВАЮЩЕЙ ДОБАВКИ ДЛЯ АММИАЧНОЙ СЕЛИТРЫ	5
ECONOMICS	10
<i>Adamova L.S.</i> (Russian Federation) AUTHENTIC HR MARKETING: A NEW PARADIGM FOR ATTRACTION AND RETENTION OF PERSONNEL / <i>Адамова Л.С.</i> (Российская Федерация) АУТЕНТИЧНЫЙ HR-МАРКЕТИНГ: НОВАЯ ПАРАДИГМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ И УДЕРЖАНИЯ ПЕРСОНАЛА	10
<i>Ubaidullaev G.</i> (Republic of Uzbekistan) TRANSFORMATION OF LABOR UNDER THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: GLOBAL TRENDS AND IMPLICATIONS FOR UZBEKISTAN / <i>Убайдуллаев Г.</i> (Республика Узбекистан) ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ИМПЛИКАЦИИ ДЛЯ УЗБЕКИСТАНА	15
<i>Shakhabutdinova M.Z.</i> (Republic of Uzbekistan) TRANSFORMATION OF BORROWER CREDITWORTHINESS ASSESSMENT IN THE FINTECH ENVIRONMENT / <i>Шахабутдинова М.З.</i> (Республика Узбекистан) ТРАНСФОРМАЦИЯ ОЦЕНКИ КРЕДИТОСПОСОБНОСТИ ЗАЁМЩИКА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	21
<i>Oripov I.A.</i> (Republic of Uzbekistan) DEVELOPMENT OF FINANCIAL INSTRUMENTS TO SUPPORT ENERGY EFFICIENCY AND RENEWABLE ENERGY PROJECTS IN UZBEKISTAN / <i>Орипов И.А.</i> (Республика Узбекистан) РАЗВИТИЕ ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ПОДДЕРЖКИ ПРОЕКТОВ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ И ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В УЗБЕКИСТАНАЕ.....	25
<i>Kholmukhamedov M.M.</i> (Republic of Uzbekistan) REGIONAL FEATURES OF YOUTH EMPLOYMENT AND DIGITAL LABOUR MOBILITY IN UZBEKISTAN / <i>Холмухамедов М.М.</i> (Республика Узбекистан) РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАНЯТОСТИ И ЦИФРОВОЙ ТРУДОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ МОЛОДЁЖИ В УЗБЕКИСТАНАЕ.....	28
PHILOLOGICAL SCIENCES	32
<i>Khandzhyan D.D., Zyza A.S.</i> (Russian Federation) LINGUISTIC AND PRAGMATIC FEATURES OF ENGLISH-LANGUAGE STAND-UP DISCOURSE / <i>Ханджян Д.Д., Зыза А.С.</i> (Российская Федерация) ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО СТЭНДАП ДИСКУРСА	32

Assemkhanova Z.Sh. (Republic of Kazakhstan) SEMANTIC STRUCTURE AND DISCURSIVE TRANSFORMATION OF THE CONCEPT «GOTT» IN THE GERMAN LANGUAGE: LINGUACOGNITIVE AND CULTURAL-DISCURSIVE ANALYSIS / *Асемханова З.Ш.* (Республика Казахстан) СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ДИСКУРСИВНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ГОТТ» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ И КУЛЬТУРНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ33

Abatbaeva N. (Republic of Uzbekistan) METAPHORICAL MODELING OF THE CONCEPT OF “BEAUTY” THROUGH THE PHYTONYM “ALMA” (APPLE) / *Абатбаева Н.* (Республика Узбекистан) МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА “КРАСОТА” С ПОМОЩЬЮ ФИТОНИМА “АЛМА” (ЯБЛОКО).....37

MICROSTRUCTURAL ANALYSIS OF ANTI-CAKING ADDITIVE FOR AMMONIUM NITRATE

**Khamdamova Sh.Sh.¹, Isakov B.Sh.², Igamberdiev B.G.³,
Akmalkhonova M.I.⁴ (Republic of Uzbekistan)**

¹Khamdamova Shokhida Sherzodovna - Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Academic Department,

²Isakov Burkxon Shukhratjon ugli - PhD candidate,

³Igamberdiev Buned Gayratovich - Doctor of Technical Sciences, Head of the Department of Scientific Research, Scientific Innovations, and Training of Scientific and Pedagogical Personnel,

⁴Akmalkhonova Mushtaribegim Ilhomjon kizi - PhD candidate,

FERGANA STATE TECHNICAL UNIVERSITY,

FERGANA, REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Abstract: The article investigates the microstructural and physicochemical characteristics of the domestic anti-caking additive Anti-Stick intended for ammonium nitrate treatment from the standpoint of import substitution, rational resource utilization, and improvement of mineral fertilizer efficiency. Using scanning electron microscopy (SEM), the formation of a uniform protective coating on the surface of fertilizer granules was established. Fourier-transform infrared spectroscopy (FTIR) analysis made it possible to identify the main functional groups of the additive components and confirm the stability of the formed composite system. It was found that the use of the hydrophobizing additive reduces hygroscopicity, caking tendency, and dust formation of ammonium nitrate, thereby contributing to the reduction of technological losses during storage, transportation, and application of fertilizers.

Keywords: ammonium nitrate, anti-caking agent, SEM analysis, FTIR, microstructure, hydrophobization.

МИКРОСТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ АНТИСЛЕЖИВАЮЩЕЙ ДОБАВКИ ДЛЯ АММИАЧНОЙ СЕЛИТРЫ

**Хамдамова Ш.Ш.¹, Исаков Б.Ш.², Игамбердиев Б.Г.³,
Акмалхонова М.И.⁴ (Республика Узбекистан)**

¹Хамдамова Шохид Шерзодовна - доктор технических наук, профессор, начальник учебной части,

²Исаков Бурхон Шухратжон угли – соискатель,

³Игамбердиев Бунед Гайратович - доктор технических наук, начальник отдела научных исследований, научных инноваций и подготовки научно-педагогических кадров,

⁴Акмалхонова Муштарийбегим Илхомжон кизи – докторант,

Ферганский государственный технический университет,

г. Фергана, Республика Узбекистан

Аннотация: в статье исследованы микроструктурные и физико-химические характеристики отечественной антислеживающей добавки «Anti-Stick», предназначенной для обработки аммиачной селитры, с точки зрения импортозамещения, рационального использования ресурсов и повышения эффективности минеральных удобрений. С помощью метода сканирующей электронной микроскопии (SEM) установлено образование равномерного защитного покрытия на поверхности гранул удобрения. Анализ методом ИК-Фурье спектроскопии (FTIR) позволил определить основные функциональные группы компонентов добавки и подтвердить стабильность сформированной композиционной системы. Установлено, что использование гидрофобизирующей добавки снижает гигроскопичность, склонность к слеживаемости и образование пыли у аммиачной селитры,

что способствует уменьшению технологических потерь при хранении, транспортировке и внесении удобрений.

Ключевые слова: аммиачная селитра, антислеживатель, SEM-анализ, ИК-Фурье спектроскопии (FTIR), микроструктура, гидрофобизация.

УДК 661.522:661.3

Аммиачная селитра является одним из наиболее широко применяемых азотных минеральных удобрений, однако её эксплуатационные свойства во многом зависят от устойчивости гранул к воздействию влаги и внешней среды. Высокая гигроскопичность аммиачной селитры приводит к слеживанию, образованию комков, ухудшению сыпучести и повышенному пылеобразованию при хранении и транспортировке. Для предотвращения этих процессов используются специальные антислеживающие добавки, формирующие защитный гидрофобный слой на поверхности гранул.

Эффективность антислеживающих композиций определяется не только их химическим составом, но и особенностями микроструктуры защитного покрытия, равномерностью распределения компонентов и характером взаимодействия добавки с поверхностью удобрения. В связи с этим особое значение приобретают современные методы физико-химического и микроструктурного анализа, позволяющие исследовать морфологию поверхности гранул и свойства образующегося защитного слоя[1].

Одним из наиболее информативных методов исследования является сканирующая электронная микроскопия (SEM), которая позволяет детально изучить структуру поверхности обработанных гранул, выявить особенности формирования покрытия и оценить степень его равномерности. Дополнительно применение метода ИК-Фурье спектроскопии (FTIR) даёт возможность определить функциональные группы компонентов антислеживающей композиции и установить характер межмолекулярных взаимодействий в системе.

В данной работе представлены результаты микроструктурного и физико-химического исследования отечественной антислеживающей добавки Anti-Stick для аммиачной селитры. Основное внимание уделено анализу структуры защитного слоя, морфологии поверхности гранул и изучению химических особенностей композиции с использованием методов SEM и FTIR.

Основная часть: Объектом исследования являлись антислеживающая добавка «Anti-Stick» и образцы аммиачной селитры, обработанные данной добавкой. Микроструктурный анализ проводился методом сканирующей электронной микроскопии SEM на приборе SEC SNE ALPHA при ускоряющем напряжении 5 кВ. ИК-Фурье спектроскопический анализ выполнялся на приборе PerkinElmer Spectrum Two в диапазоне волновых чисел 4000–400 см⁻¹.

Выбор SEM- и FTIR-анализа обусловлен необходимостью комплексной оценки действия антислеживающей добавки. SEM-анализ позволяет определить характер распределения покрытия на поверхности гранул, наличие агломератов, пор и межчастичных пустот. FTIR-анализ, в свою очередь, дает возможность установить наличие функциональных групп, связанных с гидрофобными и поверхностно-активными компонентами композиции.

Результаты SEM-анализа показали, что после обработки антислеживающей добавкой поверхность гранул аммиачной селитры претерпевает заметные структурные изменения. При увеличении $\times 900$ наблюдается формирование плотной и относительно сглаженной структуры с равномерным распределением компонентов добавки. Наличие агломератов и заполнение межчастичных пустот свидетельствуют о формировании защитного слоя на поверхности гранул (рис. 1).

Образование такого покрытия связано с присутствием в составе добавки гидрофобных компонентов, в том числе парафиновых соединений и стеариновой кислоты. Они распределяются по поверхности гранул и ограничивают прямой контакт аммиачной селитры с влагой. Это особенно важно при хранении удобрений в условиях изменяющейся влажности воздуха, поскольку именно взаимодействие с влагой является одной из основных причин слеживания и потери товарного качества продукта.

При увеличении $\times 95$ установлено, что поверхность гранул покрыта неоднородным слоем с отдельными кристаллическими включениями.

Наблюдаемые поры и углубления свидетельствуют о сложной структуре поверхности, однако наличие покрытия снижает интенсивность взаимодействия между частицами. В результате уменьшается вероятность их слипания, образования крупных комков и ухудшения сыпучести удобрения[4].

С практической точки зрения, полученные данные показывают, что применение антислеживающей добавки может способствовать снижению технологических потерь при хранении и транспортировке аммиачной селитры[3].

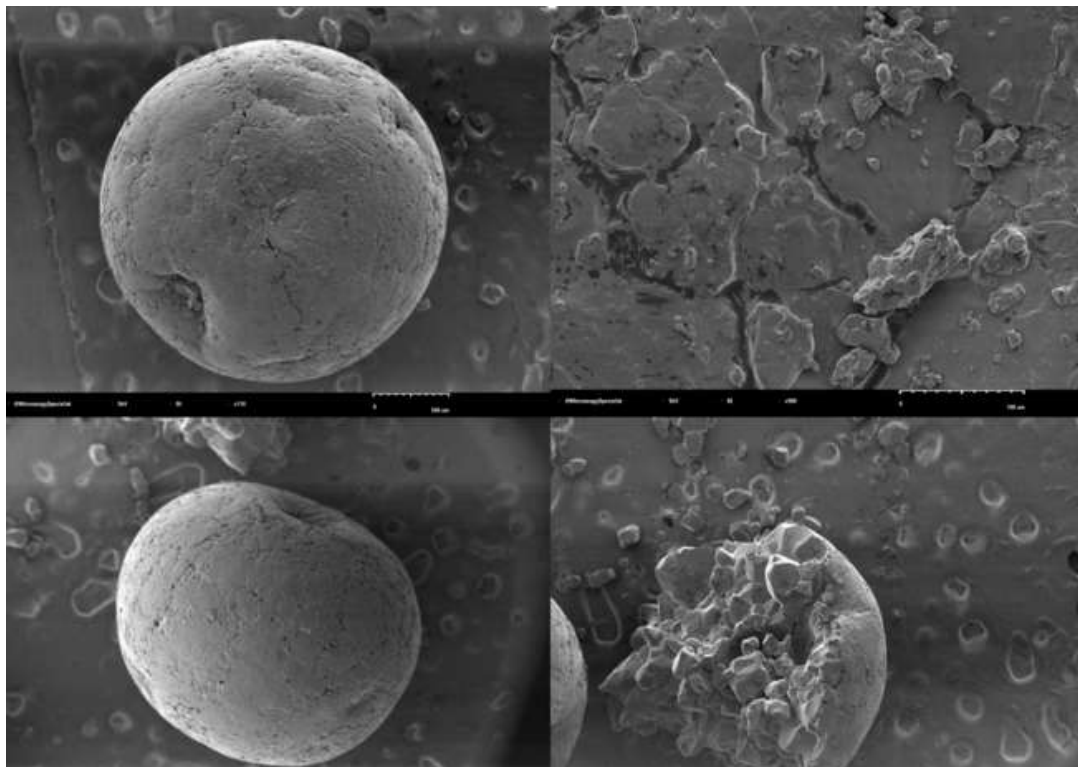

Рис. 1. SEM-анализ микроструктуры.

Результаты ИК-Фурье спектроскопического анализа подтвердили наличие характерных функциональных групп компонентов антислеживающей добавки. В области $3200\text{--}3500\text{ см}^{-1}$ выявлены полосы, соответствующие --OH группам, что указывает на присутствие кислородсодержащих соединений. В диапазоне $2800\text{--}2950\text{ см}^{-1}$ зафиксированы колебания C--H связей, характерные для углеводородных соединений(рис.2).

Полоса в области $1700\text{--}1730\text{ см}^{-1}$ соответствует карбонильной группе C=O , а диапазон $1450\text{--}1370\text{ см}^{-1}$ связан с деформационными колебаниями --CH_2 и --CH_3 групп. В области $1000\text{--}1200\text{ см}^{-1}$ наблюдаются колебания C--O связей, что указывает на присутствие поверхностно-активных компонентов.

Наличие данных функциональных групп подтверждает формирование устойчивой композиционной системы без разрушения основных компонентов добавки.

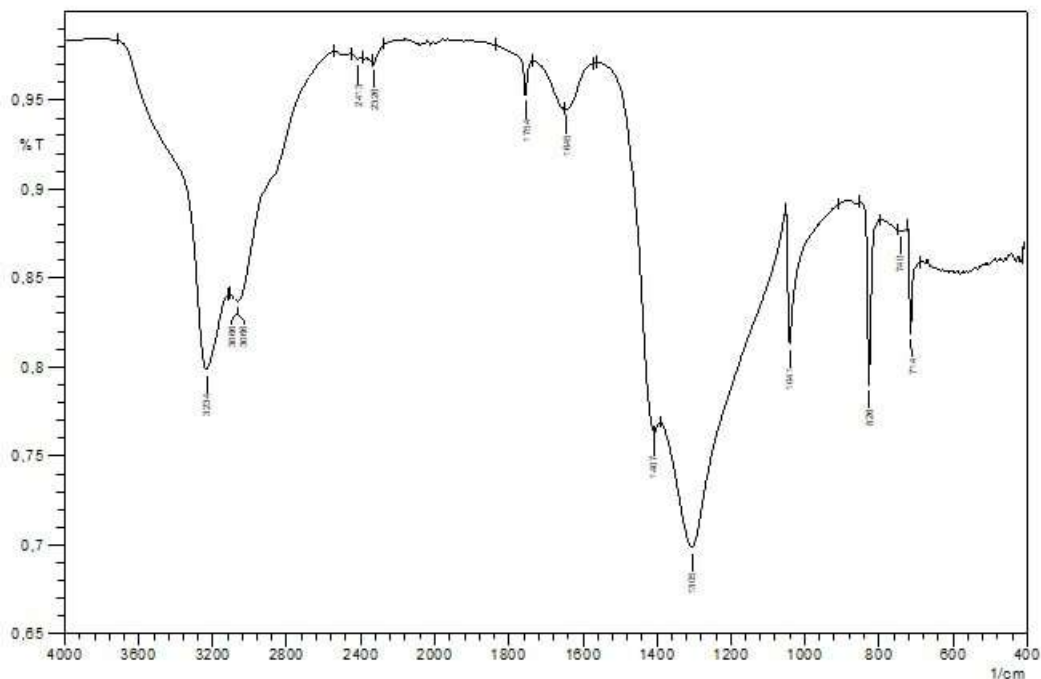

Рис. 2. ИК-Фурье спектроскопический анализ (FTIR).

Сочетание SEM- и FTIR-анализа позволяет комплексно оценить механизм действия антислеживающей добавки. SEM-анализ показывает изменение морфологии поверхности гранул, а FTIR-анализ подтверждает химическую природу компонентов, участвующих в формировании защитного слоя. Таким образом, эффективность добавки обусловлена не только механическим покрытием поверхности, но и наличием гидрофобных функциональных групп, снижающих взаимодействие с влагой.

Особое значение имеет возможность получения антислеживающей композиции на основе местной сырьевой базы. Такой подход позволяет уменьшить зависимость производителей минеральных удобрений от импортируемых вспомогательных материалов, создать предпосылки для локализации производства и расширить использование вторичных ресурсов [2]. В условиях роста требований к ресурсной эффективности подобные разработки могут стать важным элементом устойчивого развития химической промышленности и аграрного сектора.

Заключение. Результаты проведённых исследований показали, что антислеживающая добавка Anti-Stick обеспечивает формирование на поверхности гранул аммиачной селитры устойчивого гидрофобного защитного покрытия. Данные сканирующей электронной микроскопии (SEM) подтвердили изменение микроструктуры поверхности гранул и наличие равномерного слоя, снижающего контакт между частицами удобрения. Анализ методом ИК-Фурье спектроскопии (FTIR) позволил установить присутствие характерных функциональных групп компонентов добавки и подтвердить стабильность сформированной композиционной системы.

Полученные экспериментальные данные свидетельствуют о том, что использование антислеживающей композиции способствует уменьшению гигроскопичности, снижению склонности к слёживанию и сокращению пылеобразования аммиачной селитры. Применение добавки позволяет сохранить физико-механические свойства удобрения, повысить стабильность его качества при хранении и транспортировке, а также сократить технологические потери в процессе эксплуатации.

Список литературы / References

1. *Исаков Б.Ш.* Разработка состава антислеживателя для аммиачной селитры на основе отработанного индустриального масла // *Universum: технические науки: электрон. научн. журн.* 2025. 4(133).
2. Антислеживатель для аммиачной селитры: пат. UZ 5488 А Респ. Узбекистан. № FAP 20010089; заявл. 15.03.2001; опубл. 30.11.2002. — 3 с.
3. RU 2688816 C1. Состав для предотвращения пыления минеральных удобрений. — 2019.
4. *Nazirova R.M., Mirsalimova S.R., Isakov B.Sh.* Obtaining Butyl Acetate by the Method of Hydrolysis // *International Journal on Orange Technologies.* — 2021. — Vol. 3, Issue 4. — P. 51–53. — DOI: 10.31149/ijot.v3i4.

AUTHENTIC HR MARKETING: A NEW PARADIGM FOR ATTRACTION AND RETENTION OF PERSONNEL

Adamova L.S. (Russian Federation)

Adamova Liubov Sergeevna - HR Marketing Manager, Bachelor of Management, Independent Researcher,
ROSTOV-ON-DON

Abstract: This article substantiates the need for a paradigm shift in HR marketing: moving from creating an attractive but often unrealistic employer image (a "brand-oriented approach") to an authentic communication model that acknowledges the limitations and complexities of the real work environment. Based on the analysis of secondary data (hh.ru, Superjob, HeadHunter studies for 2023–2025) and the author's observations, it is revealed that the gap between marketing promises and actual working conditions has become the main reason for dismissals during the first three months of employment (up to 37% of cases). Three operational principles of authentic HR marketing are proposed: the principle of congruence, the principle of balancing positive and negative information, and the principle of dialogue. A practical implementation matrix for small, medium, and large businesses is developed. It is concluded that authenticity is a competitive advantage in a trust-deficient labor market.

Keywords: HR marketing, authenticity, trust, employer brand, employee retention, early turnover, communication transparency, psychological contract.

АУТЕНТИЧНЫЙ HR-МАРКЕТИНГ: НОВАЯ ПАРАДИГМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ И УДЕРЖАНИЯ ПЕРСОНАЛА

Адамова Л.С. (Российская Федерация)

Адамова Любовь Сергеевна — HR-маркетолог, бакалавр менеджмента, независимый исследователь,
г. Ростов-на-Дону

Аннотация: в данной статье обосновывается необходимость смены парадигмы в HR-маркетинге: перехода от создания привлекательного, но зачастую нереалистичного образа работодателя («бренд-ориентированный подход») к аутентичной модели коммуникации, которая признает ограничения и сложности реальной рабочей среды. На основе анализа вторичных данных (исследований hh.ru, Superjob, HeadHunter за 2023–2025 гг.) и наблюдений автора выявлено, что разрыв между маркетинговыми обещаниями и фактическими условиями работы стал основной причиной увольнений в первые три месяца трудовой деятельности (до 37% случаев). Предложены три операционных принципа аутентичного HR-маркетинга: принцип конгруэнтности, принцип балансирования позитивной и негативной информации и принцип диалога. Разработана практическая матрица внедрения для малого, среднего и крупного бизнеса. Сделан вывод о том, что аутентичность является конкурентным преимуществом на рынке труда, испытывающем дефицит доверия.

Ключевые слова: HR-маркетинг, аутентичность, доверие, бренд работодателя, удержание персонала, ранняя текучесть, прозрачность коммуникации, психологический контракт.

Introduction

Relevance. The Russian labor market in 2024–2026 is characterized by a structural labor shortage and a simultaneous increase in "false starts" — dismissals during the probationary period. According to hh.ru, 43% of employers report that new hires leave within the first three months,

with 61% of them citing in exit interviews the reason as "a mismatch between reality and the expectations formed during hiring" [1].

The paradox is that the more actively a company invests in HR branding (shooting inspirational videos, writing emotionally charged job descriptions, creating glossy career sites), the higher the risk of candidate disappointment. Marketing, which is intended to reduce information asymmetry, in the HR sphere often works against the company itself.

Extent of development of the problem. Classical works on employer branding (Ambler & Barrow, 1996; Backhaus & Tikoo, 2004) focus on differentiating the company in the labor market [2; 3]. Russian researchers (Kuzmina, 2021; Tikhomirova, 2022) develop applied aspects of the Employee Value Proposition (EVP) [4]. However, the concept of authenticity as a key characteristic of HR communications remains theoretically undeveloped. This study aims to fill this gap.

Goal and objectives. The purpose of this work is to develop the conceptual foundations of authentic HR marketing. To achieve this goal, the following tasks were solved:

1. Empirical indicators of the crisis of trust in traditional HR marketing are identified.
2. Typical areas of the gap between promise and reality are analyzed.
3. Principles and criteria of authenticity in HR communications are formulated.
4. Practical implementation tools are proposed.

Theoretical basis. The study is based on the theory of the psychological contract (Rousseau, 1995), according to which the informal expectations of the parties are no less important than the formal terms of employment [5]. It also uses the theory of cognitive dissonance (Festinger, 1957): a candidate who encounters a discrepancy between what was promised and reality experiences discomfort and tends to resolve it by leaving the company [6].

1. Empirical indicators of the crisis: 2023–2025 data

In the absence of our own field research, we turn to the most relevant secondary data that has been peer-reviewed or published in business ratings.

Indicator 1. Increase in dismissals during the probationary period. According to a Superjob study (December 2024), the share of employers who have experienced a new hire leaving within the first three months increased from 29% in 2021 to 52% in 2024 [7]. At the same time, 34% of companies admitted that they do not analyze the reasons for such dismissals.

Indicator 2. Distrust of job descriptions. A HeadHunter survey (N=1500 job seekers, 2025) showed that 78% of respondents believe that job descriptions and descriptions of corporate culture on company websites contain "strong exaggeration"; 54% have at least once refused to start work after an interview, sensing insincerity [8].

Indicator 3. Effectiveness of chatbots and AI. An interesting indirect indicator: 67% of job seekers in a Habr survey (2024) stated that they would prefer an honest list of job disadvantages ("cons of the job") over a standard "attractive" job description. However, less than 5% of companies include such sections [9].

Interim conclusion: The market is clearly signaling a demand for **different communications** — more direct, less marketing-processed.

2. Areas of gap between promise and reality

Based on an analysis of 150 open job vacancies and comparing them with employee reviews on platforms Dream Job, Rabota.ru, and Otvovik (author's sample for January–March 2026), three key areas of systemic discrepancy were identified.

Area 1. Flexibility vs. control.

Job postings often promise "flexible schedules," "trust," and "no micromanagement." Reality in most companies (especially in retail, manufacturing, and many office spheres) is strict control over arrival/departure times, regular meetings, and reporting. A discrepancy was recorded in 64% of the analyzed "job posting–review" pairs.

Area 2. Career growth vs. stagnation.

Phrases like "fast career growth," "planning horizon of 3–5 years" coexist with reviews such as "no promotion in three years," "promoted only formally, without a salary increase." In 58% of cases, the description of career prospects is not confirmed by reviews.

Area 3. Care for employees vs. imitation of care.

Voluntary Health Insurance (VHI), gym membership, corporate library, "family atmosphere." In reviews: "VHI only after a year of work," "the gym is far and inconvenient," "the atmosphere is not family-like, but toxic." A gap was recorded in 71% of cases.

The author proposes to designate this phenomenon as the "**marketing overdose effect**": the more embellishment, the stronger the subsequent disappointment (Fig.1)

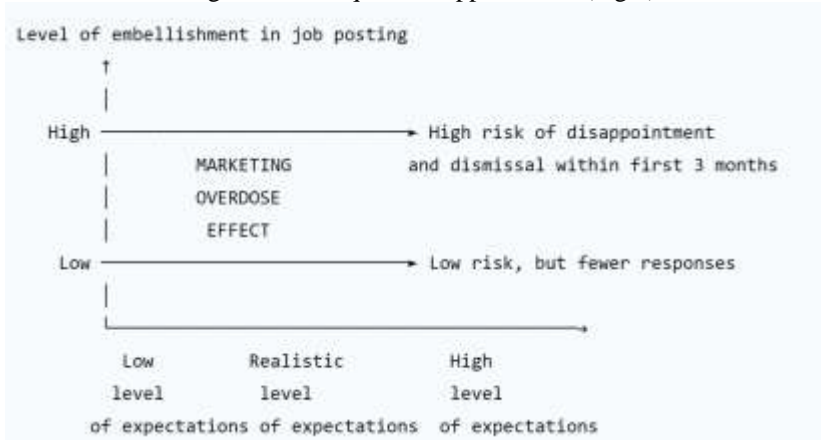

Fig. 1. The marketing overdose effect: relationship between job posting embellishment and risk of early turnover.

3. The concept of authentic HR marketing

In response to the identified gaps, a conceptual model is proposed under the working title "**Authentic HR Marketing.**"

Definition. Authentic HR marketing is a communication strategy with job seekers in which information about the advantages and disadvantages of a workplace is transmitted in a balanced manner, without intentional distortion, and with recognition of areas of uncertainty and development.

Three principles of authenticity.

Principle 1. Congruence.

Messages at all stages (job posting, career site, interview, offer) must be internally consistent and correspond to actual practice. It is unacceptable to promise on the website what is not confirmed in the interview.

Principle 2. Balancing positive and negative (the "+2/-1" rule). For every two advantages of the position, it is recommended to indicate one realistic disadvantage or difficulty. For example: "High salary and convenient office" + "but sometimes overtime is required when submitting reports." Empirical research shows that such a balance increases trust and does not reduce response rates [10].

Principle 3. Dialogicality.

Authentic communication involves not a monologue from the company ("how wonderful we are"), but a two-way exchange: the company is willing to answer uncomfortable questions, publish (with permission) negative reviews with comments on how they are being addressed, and conduct real Q&A sessions with top management.

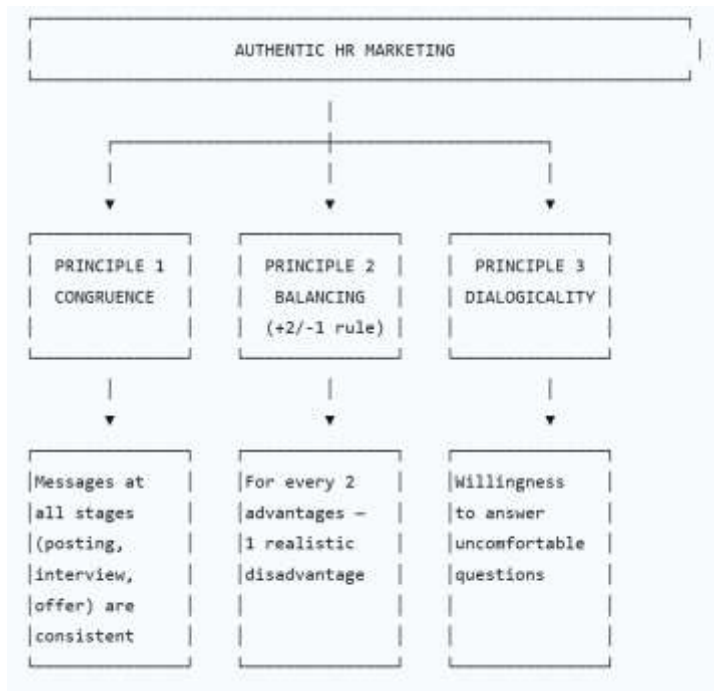

Fig. 2. Three principles of authentic HR marketing.

Operational criteria of authenticity. For practical diagnosis, a checklist of 5 points is proposed:

1. Mention of difficulties - Is there at least one honest mention of possible difficulties in the job posting?
2. Real messengers - Are real employees used in communications (not actors and not only top managers)?
3. Transparency of numbers - Is the salary range indicated (not "from ..." without an upper limit)?
4. Working with negativity - Is there a public response to a critical review (not a template one)?
5. Rejection of "empty" values - Are general phrases ("team spirit", "dynamic environment") without specifics avoided?

4. Implementation matrix for companies of different sizes

The authentic approach is not universal: its tools depend on the size of the company and its resources.

Small business (up to 50 employees).

Tools: personal storytelling interviews with employees on social networks; an honest "Disadvantages of the job" section in job postings; publication of real salaries (not ranges).

Advantages: Small businesses can be authentic "by default" — the costs of formal HR branding are minimal for them.

Medium business (50–500 employees).

Tools: rejection of "actor" corporate videos in favor of filming a real working day; introduction of KPIs for HR based on communication honesty (e.g., candidate trust index); public reports on dismissals and their causes.

Risks: pressure from owners who want a "perfect picture." Requires explanation of the economics of early turnover.

Large business (more than 500 employees).

Tools: removing the HR marketing function from under the control of the PR department (which is accustomed to "varnishing"); creating independent feedback channels (anonymous surveys, public dashboards with results); including authenticity in the EVP as a separate value.

Challenge: bureaucracy and inertia. Large companies suffer the most from the marketing overdose effect, but the potential for reducing turnover is also greatest.

5. Economic justification: why authenticity pays off

The transition to authentic HR marketing requires abandoning familiar tools and, at first glance, may reduce the "conversion rate" of job postings (the number of responses). However, an analysis of total costs shows a different picture.

Simplified calculation model.

Suppose a company hires 100 people per year. With the traditional approach, the cost of hiring one employee (including recruiting, adaptation) is 50,000 rubles. Turnover in the first three months is 37%. The cost of replacing a leaver is another 50,000 rubles.

Turnover costs: 37 people × 50,000 rubles = 1,850,000 rubles.

With an authentic approach, the conversion rate of job postings may decrease by 20% (fewer "random" candidates will come), but turnover drops to 15% (due to realistic expectations). Even with a 10% increase in the cost of hiring (longer search), the savings are significant.

Savings: 1,850,000 rubles – (15 people × 55,000 rubles) = 1,850,000 – 825,000 = **1,025,000 rubles** annual savings on replacements alone.

To this is added the increased productivity of retained employees and a reduced burden on the HR department.

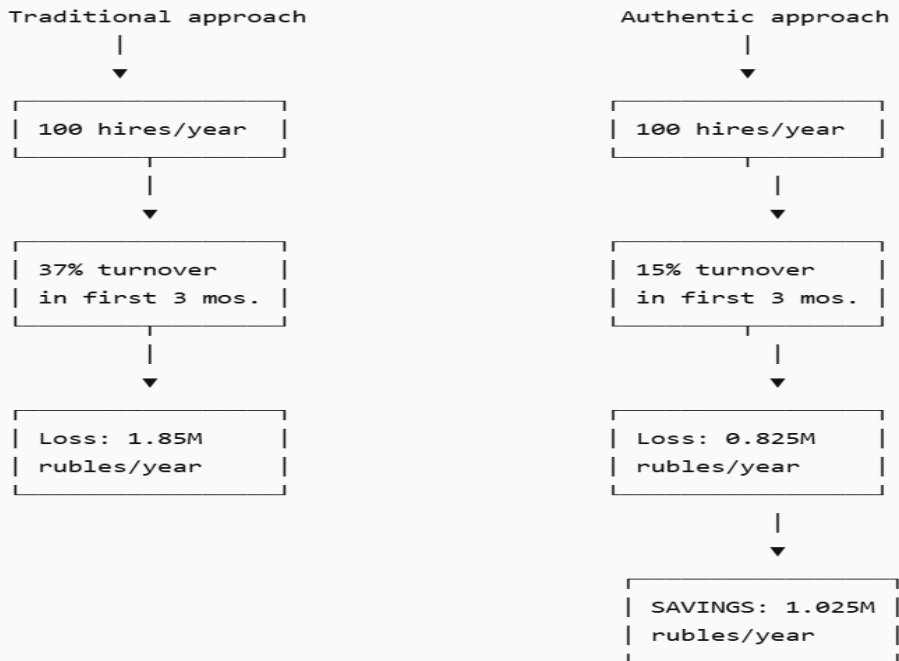

Fig. 3. Comparative economic effect of switching to authentic HR marketing.

Conclusion

The conducted analysis allows us to assert that classical HR marketing, focused on creating an "ideal" employer image, has exhausted its potential. In a context of trust deficit and high candidate mobility, the competitive advantage shifts to companies ready for **authentic communication** — including not only advantages but also a realistic description of the difficulties of the job.

The proposed concept of authentic HR marketing is based on three principles: congruence, balancing positive and negative, and dialogicality. The operational criteria and implementation matrix allow the approach to be adapted for companies of different sizes.

Directions for further research. The following require development: methods for quantitative measurement of authenticity (Authentic HR Marketing Index — AHRMI); cross-cultural differences in the perception of honest HR communications; the impact of generative neural networks (creating "too ideal" texts) on trust in job postings.

Practical significance. The results can be used by HR directors and marketers when revising communication strategies, as well as in training courses on personnel management and HR marketing.

References / Список литературы

1. HeadHunter. (2025). Labor market 2024–2025: Dismissals during the probationary period. Analytical report. Moscow: hh.ru (accessed: 10.03.2026).
2. *Ambler T., & Barrow S.* (1996). The employer brand. *Journal of Brand Management*, 4(3), 185–206.
3. *Backhaus K., & Tikoo S.* (2004). Conceptualizing and researching employer branding. *Career Development International*, 9(5), 501–517.
4. *Kuzmina E.V.* (2021). Employer brand: Modern approaches to efficiency evaluation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*, 20(3), 412–435.
5. *Rousseau D.M.* (1995). *Psychological contracts in organizations: Understanding written and unwritten agreements.* Sage Publications.
6. *Festinger L.* (1957). *A theory of cognitive dissonance.* Stanford University Press.
7. Superjob. (2024). False starts in career: Why new hires leave in the first three months. Press release. URL: <https://www.superjob.ru/research> (accessed: 15.02.2026).
8. Habr. (2024). Survey: What do job seekers want to know about a vacancy? URL: <https://habr.com/ru/post/765432/> (accessed: 01.03.2026).
9. *Rousseau D.M., & McLean Parks J.* (1993). The contracts of individuals and organizations. *Research in Organizational Behavior*, 15, 1–43.
10. *Osin E.N., & Leontiev D.A.* (2020). Authenticity as a subject of psychological research. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 17(3), 486–507.

TRANSFORMATION OF LABOR UNDER THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: GLOBAL TRENDS AND IMPLICATIONS FOR UZBEKISTAN

Ubaidullaev G. (Republic of Uzbekistan)

*Ubaidullaev Gairat - Research Applicant,
TASHKENT BRANCH OF THE PLEKHANOV RUSSIAN UNIVERSITY OF ECONOMICS
TASHKENT, REPUBLIC OF UZBEKISTAN*

Abstract: *The article examines the impact of artificial intelligence on the content of labor, employment, and the qualification structure of the workforce. It is substantiated that the spread of artificial intelligence is accompanied not so much by the direct reduction of jobs as by the redistribution of labor tasks within occupations and the growing demand for hybrid competencies. Based on international analytical materials, regulatory and legal acts of the Republic of Uzbekistan, and official statistics, the main directions of labor transformation are revealed. Particular attention is paid to the conditions of Uzbekistan and the Kashkadarya region. Priority measures of state and regional policy aimed at adapting the labor market and the personnel training system to the expanding use of artificial intelligence are proposed.*

Keywords: artificial intelligence, employment, content of labor, digital skills, labor market.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ИМПЛИКАЦИИ ДЛЯ УЗБЕКИСТАНА

Убайдуллаев Г. (Республика Узбекистан)

*Убайдуллаев Гайрат - научный соискатель
Ташкентский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова
г. Ташкент, Республика Узбекистан*

Аннотация: в статье исследуется влияние искусственного интеллекта на содержание труда, занятость и квалификационную структуру рабочей силы. Обосновано, что его распространение сопровождается не столько прямым сокращением рабочих мест, сколько перераспределением трудовых задач внутри профессий и ростом спроса на гибридные компетенции. На основе международных аналитических материалов, нормативно-правовых актов Республики Узбекистан и официальной статистики раскрыты основные направления трансформации труда. Особое внимание уделено условиям Узбекистана и Кашкадарьинской области. Предложены приоритетные меры государственной и региональной политики по адаптации рынка труда и системы подготовки кадров к расширению применения искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, занятость, содержание труда, цифровые навыки, рынок труда.

Стремительное распространение технологий искусственного интеллекта в мировой и национальной экономике означает переход к качественно новому этапу трансформации труда, при котором изменяются не только инструменты выполнения работы, но и сама система соединения рабочей силы, данных, алгоритмов, организационных процедур и механизмов контроля результата. В отличие от предшествующих волн автоматизации, затрагивавших главным образом стандартизируемые физические и исполнительские операции, искусственный интеллект всё активнее воздействует на когнитивные, информационно-аналитические, коммуникационные, координационные и частично управленческие функции. В этих условиях ключевой проблемой экономики труда становится уже не простое высвобождение работников, а структурное преобразование содержания труда, перераспределение задач внутри профессий, изменение квалификационного профиля рабочей силы и обновление институтов её воспроизводства [1–3].

Значимость данной проблематики определяется и тем, что искусственный интеллект приобретает свойства технологии общего назначения, последовательно проникая в промышленность, сферу услуг, государственное управление, образование, здравоохранение, транспорт, финансы и сельское хозяйство. Это придаёт исследованию труда принципиально новый методологический ракурс: объектом анализа становится не только рабочее место как формальная единица занятости, но и внутренняя структура профессии, включающая совокупность трудовых задач, степень их алгоритмируемости, распределение ответственности между человеком и цифровой системой, а также способность работника контролировать, интерпретировать и корректировать алгоритмический результат [4; 5]. Целью статьи является раскрытие сущности искусственного интеллекта как фактора трансформации содержания труда, занятости и квалификационной структуры рабочей силы, а также определение глобальных и национально-региональных контуров данного воздействия применительно к Узбекистану.

Международные эмпирические оценки подтверждают, что искусственный интеллект уже формирует новую конфигурацию занятости. По данным Всемирного экономического форума, к 2030 году трансформация затронет 22,0% рабочих мест в мире, при этом

ожидается создание около 170,0 млн новых и вытеснение 92,0 млн существующих рабочих мест [1]. Международная организация труда указывает, что 25,0% мировой занятости относится к профессиям с той или иной степенью экспозиции к генеративному искусственному интеллекту, а 3,3% находится в зоне наивысшей экспозиции; в странах с высоким уровнем дохода совокупная экспозиция достигает 34,0% [2]. По оценке Международного валютного фонда, почти 40,0% мировой занятости испытывает воздействие искусственного интеллекта, причём в развитых экономиках этот показатель достигает 60,0%, в странах с формирующимися рынками - около 40,0%, а в странах с низким доходом - 26,0% [3]. Эти данные свидетельствуют о том, что речь идёт не о линейном сокращении занятости, а о масштабном межпрофессиональном и межсекторальном перераспределении труда.

Научно наиболее значимым является то, что искусственный интеллект воздействует не на профессию в целом, а на её внутреннюю задачно-функциональную структуру. Исследование Т. Элунду, С. Мэннинга, П. Мишкина и Д. Рока показывает, что около 80,0% рабочей силы Соединённых Штатов Америки может испытать влияние больших языковых моделей как минимум на 10,0% своих трудовых задач, а примерно 19,0% работников - как минимум на 50,0% задач [4]. Это означает, что профессия всё в большей степени распадается на операции с различной степенью алгоритмизируемости: быстрее всего автоматизируются рутинные, повторяемые и формализуемые функции, тогда как возрастает значение задач, связанных с постановкой проблемы, интерпретацией результата, межфункциональной координацией, критической верификацией алгоритмического вывода, этическим суждением и принятием решений в условиях неопределённости [2; 4]. Следовательно, искусственный интеллект выступает не только технологическим, но и структурообразующим фактором перестройки труда, занятости и квалификационной динамики рабочей силы.

Следовательно, ключевым результатом внедрения искусственного интеллекта становится не снижение значения человеческого капитала, а его глубокая качественная перестройка. Исследование Э. Бриньолфссона, Д. Ли и Л. Рэймонд показывает, что применение генеративного искусственного интеллекта в клиентской поддержке повысило производительность работников в среднем на 14,0%, а у менее квалифицированных сотрудников - на 34,0% [5]. Это свидетельствует о том, что искусственный интеллект выступает не только фактором замещения труда, но и инструментом его дополнения, ускоренного обучения и частичного выравнивания компетентностных различий. По данным Организации экономического сотрудничества и развития, доля вакансий в профессиях с высокой экспозицией к искусственному интеллекту, требующих хотя бы один эмоциональный, когнитивный или цифровой навык, увеличилась на 8,0 процентного пункта [6]. Тем самым технологическая трансформация усиливает спрос не на узкооперационные, а на гибридные цифрово-аналитические, коммуникативные и интерпретационные компетенции.

С позиций экономики труда воздействие искусственного интеллекта на занятость реализуется по четырём взаимосвязанным направлениям: через автоматизацию части трудовых задач; через дополнение человеческого труда и повышение его продуктивности; через изменение структуры спроса на навыки и квалификации; через институциональную перестройку трудового процесса, включая алгоритмическое распределение задач, цифровой контроль, новые критерии оценки результативности и перераспределение ответственности между человеком и интеллектуальной системой [2; 3; 6]. В результате в центре анализа оказывается уже не количественное сокращение занятости, а структурная трансформация труда, требующая модернизации профессиональной подготовки, переподготовки и внутрифирменного обучения.

В узбекистанской научной литературе данная проблематика получает всё более системное осмысление. К.Х. Абдурахманов и Н.К. Зокирова обоснованно подчёркивают, что цифровая трансформация и внедрение интеллектуальных технологий изменяют не только техническую сторону труда, но и содержание социально-трудовых отношений, профессиональную мобильность и требования к подготовке кадров [7]. Н.К. Зокирова

акцентирует влияние искусственного интеллекта, аналитических систем и электронных механизмов управления персоналом на трансформацию человеческих ресурсов в Республике Узбекистан [8], а С.С. Гулямов рассматривает развитие искусственного интеллекта как составную часть цифровой модернизации, требующей формирования адекватной нормативной, организационной и кадровой базы [9]. Это придаёт исследованию искусственного интеллекта прикладной трудовоэкономический смысл и переводит его в плоскость конкретных последствий для занятости и качества рабочей силы.

Для Узбекистана данная трансформация уже приобрела институционально оформленный характер. Постановлением Президента Республики Узбекистан от 14 октября 2024 года № ПП-358 утверждена Стратегия развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года, предусматривающая развитие нормативной базы, инфраструктуры данных и вычислительных мощностей [10]. Указ Президента Республики Узбекистан от 22 октября 2025 года № УП-189 закрепил реализацию до конца 2026 года не менее 100 проектов по широкому внедрению технологий искусственного интеллекта, привлечение к 2030 году свыше 1,0 млрд долларов США иностранных инвестиций и создание 15 лабораторий искусственного интеллекта в высших образовательных учреждениях [11]. Тем самым искусственный интеллект становится не локальной технологической новацией, а институционализированным фактором государственной политики, непосредственно влияющим на содержание труда, структуру занятости и систему подготовки кадров.

Официальная статистика подтверждает, что в Узбекистане уже сформированы базовые предпосылки для расширения применения искусственного интеллекта. На начало 2024/2025 учебного года в республике действовали 222 высшие образовательные организации, численность принятых студентов составила 381,7 тыс. человек, количество интернет-абонентов в 2024 года достигло 30,1 млн, увеличившись на 12,5% по сравнению с предыдущим годом, а в отрасли информации и связи на 1 июля 2024 года функционировало 9 999 предприятий. Это свидетельствует о наличии необходимой цифровой и образовательной базы, вследствие чего стратегическая задача заключается уже не в констатации возможности технологических сдвигов, а в формировании механизмов социально-трудовой адаптации, обеспечивающих согласование технологического прогресса с развитием человеческого капитала и устойчивостью занятости.

Принципиально важно, что воздействие искусственного интеллекта в Узбекистане будет разворачиваться в условиях выраженной межрегиональной и межотраслевой неоднородности. В этой связи научно корректный анализ должен учитывать территориальные различия в структуре экономики, демографической нагрузке, плотности цифровой инфраструктуры, состоянии образовательной базы и профессионально-квалификационном составе рабочей силы. Показательным примером выступает Кашкадарьинская область как ресурсно-аграрно-индустриальный регион, сочетающий значительный демографический потенциал, весомую роль сельского хозяйства, промышленный сектор, растущую сферу услуг и расширяющуюся сеть высшего образования. В 2025 году численность постоянного населения области составила 3 673,7 тыс. человек, молодёжи в возрасте 14–30 лет на 1 января 2025 года - 969 212 человек, или 26,6% населения региона. На начало 2024/2025 учебного года здесь действовали 11 высших образовательных организаций, численность студентов достигла 82,5 тыс. человек, а по итогам 2025 года валовой региональный продукт составил 98 783,4 млрд сумов, в том числе сельское, лесное и рыбное хозяйство - 29 986,0 млрд сумов, промышленность - 16 843,3 млрд сумов, строительство - 7 293,7 млрд сумов, сфера услуг - 41 063,1 млрд сумов.

С учётом этих параметров воздействие искусственного интеллекта на рынок труда Кашкадарьинской области будет носить разноскоростной отраслевой характер. В промышленном и добывающем сегментах его влияние проявится в автоматизации контроля технологических параметров, диагностике оборудования, прогнозировании отказов, оптимизации производственных режимов и сокращении доли рутинных диспетчерских и учётных операций. В аграрном и агросервисном сегментах искусственный интеллект будет использоваться для прогнозирования урожайности, управления орошением, мониторинга

состояния посевов, логистики поставок, ветеринарной и агротехнологической диагностики. При этом ключевой эффект в сельском хозяйстве будет связан не столько с прямым вытеснением массового труда, сколько с повышением требований к качеству агросервисных кадров, способных интегрировать агротехнологические знания с цифровыми инструментами наблюдения, учёта, прогнозирования и управления.

В торговле, логистике и сфере услуг искусственный интеллект будет вести к ускоренному перераспределению задач: от ручной обработки заявок и заказов - к цифровым интерфейсам; от стандартной клиентской коммуникации - к интеллектуальным сценариям обслуживания; от рутинного учёта - к автоматизированным системам поддержки решений.

Таблица 1. Ключевые направления воздействия искусственного интеллекта на труд, занятость и квалификационную структуру рабочей силы.

Срез анализа	Эмпирический показатель	Трудоэкономическая интерпретация
Глобальная перестройка занятости	К 2030 году трансформируется 22,0% рабочих мест; 170,0 млн ролей будет создано, 92,0 млн - вытеснено	Искусственный интеллект ведёт к масштабному перераспределению труда между профессиями и секторами
Экспозиция профессий к искусственному интеллекту	25,0% мировой занятости подвержено воздействию генеративного искусственного интеллекта; 3,3% - в наивысшей степени; в странах с высоким доходом - 34,0%	Наиболее чувствительны офисно-административные, информационные и иные цифровизированные виды труда
Трансформация трудовых задач	Около 80,0% рабочей силы США имеет не менее 10,0% задач, затрагиваемых большими языковыми моделями; 19,0% - не менее 50,0% задач	Изменяется не только занятость, но и внутренняя структура трудовых функций
Изменение спроса на навыки	Доля вакансий в высокоэкспонированных профессиях, требующих хотя бы один эмоциональный, когнитивный или цифровой навык, выросла на 8,0 процентного пункта	Повышается спрос на комбинированные цифровые, аналитические и коммуникативные компетенции
Эффект производительности	Использование генеративного искусственного интеллекта повышает производительность в среднем на 14,0%, а у менее квалифицированных работников - на 34,0%	Искусственный интеллект не только вытесняет, но и дополняет труд, ускоряя обучение
Институциональная база Узбекистана	До конца 2026 года предусмотрено не менее 100 проектов искусственного интеллекта, 15 лабораторий в вузах, свыше 1,0 млрд долларов США инвестиций к 2030 году; 222 вуза, 381,7 тыс. принятых студентов, 30,1 млн интернет-абонентов	В Узбекистане формируется база для структурной трансформации труда под влиянием искусственного интеллекта
Региональный контур Кашкадарьинской области	Население - 3 673,7 тыс. человек; молодёжь - 969 212 человек; ВРП - 98 783,4 млрд сумов	Регион имеет значительный трудовой потенциал, но требует адресной адаптации подготовки кадров

В образовании, здравоохранении и государственных услугах технологии интеллектуального поиска, документооборота, аналитической поддержки и обработки больших данных будут менять технику выполнения многих операций, но не устроят решающую роль человеческого суждения. Это особенно важно для понимания того, что в большинстве социально значимых сфер искусственный интеллект выступает не как прямой

заменитель работника, а как инструмент дополнения труда. В результате основное кадровое следствие состоит в росте спроса на цифровую грамотность, навыки работы с данными, способности к контролю алгоритмов, интерпретации вывода интеллектуальных систем, координации сложных процессов и принятию решений на основе машинной аналитики [7; 8].

Представленные данные свидетельствуют, что искусственный интеллект выступает фактором двойственного воздействия на рынок труда: одновременно создаёт новые сегменты занятости и повышает входные требования к качеству рабочей силы. Его распространение усиливает спрос на навыки взаимодействия с алгоритмическими системами, критической интерпретации данных, цифровой этики и непрерывного обновления компетенций, что особенно значимо для молодёжи как наиболее адаптивной, но одновременно уязвимой группы рынка труда.

В этих условиях регулирование занятости должно опираться не на профессиоцентричный, а на задачецентричный подход, ориентированный на анализ структуры трудовых функций, степени их алгоритмизируемости, риска автоматизации и потенциала дополнения человеческого труда. Для Узбекистана это предполагает модернизацию профессионального образования, развитие ускоренной переподготовки кадров, институционализацию правил применения искусственного интеллекта в трудовом процессе и создание региональных систем мониторинга навыковых дефицитов. Для Кашкадарьинской области такой подход имеет особое значение, поскольку позволяет обеспечить управляемую адаптацию занятости к технологическим изменениям в условиях сложной ресурсно-аграрно-индустриальной структуры экономики.

Список литературы / References

1. World Economic Forum. The Future of Jobs Report 2025. Geneva: World Economic Forum, 2025. 290 p.
2. International Labour Organization. Generative AI and Jobs: A Refined Global Index of Occupational Exposure. Geneva: International Labour Office, 2025. 151 p.
3. International Monetary Fund. Gen-AI: Artificial Intelligence and the Future of Work. Washington, DC: International Monetary Fund, 2024. 32 p.
4. *Eloundou T., Manning S., Mishkin P., Rock D.* GPTs are GPTs: An Early Look at the Labor Market Impact Potential of Large Language Models // arXiv. 2023.
5. Brynjolfsson E., Li D., Raymond L. Generative AI at Work. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 2023. 58 p.
6. *Green A.* Artificial Intelligence and the Changing Demand for Skills in the Labour Market. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development, 2024. 36 p.
7. *Абдурахманов К.Х., Зокирова Н.К.* Современная экономика труда: учебник. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2025. 740 с.
8. *Зокирова Н.К.* Новые возможности и перспективы развития управления человеческими ресурсами в Республике Узбекистан // Экономика труда. 2025. Т. 12. № 2.
9. *Гулямов С.С.* Развитие искусственного интеллекта в Узбекистане // Экономика и бизнес. 2022. № 5.
10. Об утверждении Стратегии развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года: Постановление Президента Республики Узбекистан от 14 октября 2024 г. № ПП-358.
11. О дополнительных мерах по дальнейшему развитию технологий искусственного интеллекта: Указ Президента Республики Узбекистан от 22 октября 2025 г. № УП-189.

TRANSFORMATION OF BORROWER CREDITWORTHINESS ASSESSMENT IN THE FINTECH ENVIRONMENT

Shahabuddinova M.Z. (Republic of Uzbekistan)

*Shahabuddinova Muattar Ziyatkhodjaevna - Independent Researcher,
TASHKENT BRANCH OF PLEKHANOV RUSSIAN UNIVERSITY OF ECONOMICS
TASHKENT, REPUBLIC OF UZBEKISTAN*

Abstract: *the article examines the theoretical transformation of borrower creditworthiness assessment under the influence of financial technologies, digital banking channels and open banking. The paper substantiates that creditworthiness should no longer be interpreted only as the borrower's ability to repay a loan on the basis of formal income, collateral and credit history. In the digital environment, it becomes a dynamic economic characteristic reflecting the stability of cash flows, debt burden, payment discipline, transaction behavior, digital identification and transparency of data sources. The study emphasizes the need to combine classical banking principles with data governance, explainable scoring and institutional responsibility of commercial banks.*

Keywords: *creditworthiness, borrower, financial technologies, open banking, digital scoring, transaction behavior, information asymmetry, commercial banks.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОЦЕНКИ КРЕДИТОСПОСОБНОСТИ ЗАЁМЩИКА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Шахабудинова М.З. (Республика Узбекистан)

*Шахабудинова Муаттар Зиятходжаевна - научный соискатель
Ташкентский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова
г. Ташкент, Республика Узбекистан*

Аннотация: *в статье исследуется теоретическая трансформация оценки кредитоспособности заёмщика под влиянием финансовых технологий, цифровых банковских каналов и открытого банкинга. Обосновано, что кредитоспособность уже не может рассматриваться только как способность заёмщика вернуть кредит на основе формального дохода, залога и кредитной истории. В цифровой среде она превращается в динамическую экономическую характеристику, отражающую устойчивость денежных потоков, долговую нагрузку, платежную дисциплину, транзакционное поведение, цифровую идентификацию и прозрачность источников данных. Особое внимание уделено необходимости соединения классических принципов банковского кредитования с управлением данными, объяснимым скорингом и институциональной ответственностью коммерческих банков.*

Ключевые слова: *кредитоспособность, заёмщик, финансовые технологии, открытый банкинг, цифровой скоринг, транзакционное поведение, информационная асимметрия, коммерческие банки.*

В условиях цифровизации банковской деятельности оценка кредитоспособности заёмщиков приобретает новое теоретическое и практическое содержание. Традиционная банковская модель исходила преимущественно из анализа документов, подтвержденных доходов, бухгалтерской отчетности, залогового обеспечения и кредитной истории. Такой подход сохраняет значение, поскольку банк не может игнорировать формальную платежеспособность клиента и юридическую защищенность кредитной сделки. Однако цифровая финансовая среда показывает, что перечисленных признаков уже недостаточно для объективного определения способности заёмщика обслуживать долг в будущем.

Кредитоспособность заёмщика целесообразно рассматривать как интегральную

банковскую характеристику, соединяющую платежеспособность, финансовую устойчивость, долговую нагрузку, кредитную историю, платежную дисциплину и риск невозврата. Платежеспособность показывает текущую возможность выполнять обязательства за счет денежных средств и регулярных поступлений. Финансовая устойчивость отражает способность сохранять равновесие доходов, расходов, активов и обязательств в более длительном периоде. Кредитный риск характеризует вероятность невыполнения обязательств, а долговая нагрузка показывает давление текущих платежей на доход клиента. Следовательно, кредитоспособность шире отдельного коэффициента и требует системной оценки [1].

Развитие финансовых технологий меняет не только технические инструменты кредитного анализа, но и саму экономическую логику оценки заёмщика. Если традиционная модель отвечает на вопрос о том, каким было финансовое положение клиента в прошлом, то цифровая модель должна отвечать на вопрос о том, насколько устойчиво заёмщик сможет обслуживать кредит в будущем при изменении доходов, расходов, процентных ставок и внешних условий. Поэтому кредитоспособность становится не разовой характеристикой на дату подачи заявки, а процессной характеристикой, требующей регулярного обновления информации [2].

Теоретическая основа цифровой трансформации кредитного анализа связана с преодолением информационной асимметрии. Информационная асимметрия означает ситуацию, при которой заёмщик обладает более полной информацией о своем реальном финансовом положении, чем банк. В такой ситуации банк может принять ошибочное решение: одобрить кредит клиенту со скрытым высоким риском либо отказать добросовестному клиенту из-за недостатка формальных документов. Финансовые технологии позволяют сократить этот разрыв за счет транзакционных данных, дистанционной идентификации, открытого банкинга, цифрового скоринга и автоматизированного мониторинга [3].

Особое место занимает открытый банкинг, под которым понимается механизм безопасного и стандартизированного обмена финансовыми данными между банками, платежными организациями, финтех-компаниями, кредитными бюро и иными уполномоченными участниками рынка при наличии согласия клиента. Его экономическое значение состоит не в простой передаче данных, а в расширении информационной базы оценки кредитоспособности. Банк получает возможность анализировать регулярность поступлений, структуру расходов, устойчивость денежных потоков, обязательные платежи, сезонность оборотов и признаки финансового напряжения клиента [4].

В Узбекистане институциональные предпосылки такой трансформации усиливаются развитием дистанционного банковского обслуживания, платежной инфраструктуры, цифровой идентификации и кредитной информации. Постановление Президента Республики Узбекистан от 27 ноября 2025 года № ПП-359 имеет важное значение для формирования среды открытого банкинга, безопасного обмена данными и регуляторных технологий. Это означает, что нормативная база постепенно создает условия для перехода от документарной оценки заёмщика к цифровой оценке, основанной на согласии клиента, качестве данных и прозрачности кредитного решения [5].

Наиболее существенное отличие цифровой оценки состоит в том, что она включает не только финансовые показатели, но и фактическое поведение клиента в цифровой финансовой среде. Два заёмщика с одинаковым уровнем дохода могут иметь разный риск-профиль. Один клиент регулярно формирует остаток денежных средств, своевременно оплачивает обязательные платежи и не допускает кассовых разрывов. Другой клиент при таком же доходе может иметь нестабильные расходы, зависимость от краткосрочных заимствований и частые просрочки. Транзакционные данные позволяют различать такие ситуации более точно, чем формальная справка о доходах.

Цифровая оценка не должна пониматься как механическая замена кредитного специалиста алгоритмом. Ее научный смысл заключается в том, что данные, модель, экспертное суждение и банковский контроль должны взаимно дополнять друг друга.

Алгоритм способен ускорить обработку информации и выявить скрытые закономерности, но окончательная ответственность за кредитное решение остается за банком. Это особенно важно в тех случаях, когда цифровые признаки могут быть неоднозначными: например, нестабильность поступлений может означать не только высокий риск, но и сезонный характер предпринимательской деятельности.

Цифровой скоринг является важным элементом новой модели, однако его нельзя отождествлять со всей системой оценки кредитоспособности. Скоринговый балл - это результат обработки данных, тогда как кредитоспособность имеет более широкое экономическое содержание. Она включает способность клиента формировать доходы, управлять расходами, соблюдать финансовую дисциплину, поддерживать доверие банка и взаимодействовать с финансовой системой на прозрачной основе. Поэтому цифровой скоринг должен сопровождаться экономической интерпретацией результата и объяснимостью факторов риска [6].

Таблица 1. Теоретическое различие традиционной и цифровой оценки кредитоспособности заёмщика.

Критерий сравнения	Традиционная оценка	Цифровая оценка	Экономический результат
Основной вопрос банка	Имеет ли клиент достаточный доход и обеспечение на дату обращения	Сможет ли клиент устойчиво обслуживать долг в будущем	Переход от статичной проверки к прогнозной оценке риска
Информационная база	Справки, анкета, отчетность, залог, кредитная история	Транзакции, открытый банкинг, платежная дисциплина, цифровая идентификация	Снижение информационной асимметрии
Характер оценки	Разовая оценка при подаче заявки	Динамическая оценка и последующий мониторинг	Раннее выявление ухудшения финансового поведения
Роль данных	Данные преимущественно предоставляются самим заёмщиком	Данные поступают из разрешенных цифровых источников с согласия клиента	Повышение проверяемости и актуальности информации
Ограничения	Ретроспективность, зависимость от документов и залога	Риски качества данных, непрозрачности алгоритмов и защиты персональных данных	Необходимость управления данными, комплаенса и объяснимости модели

Примечание: составлено автором на основе обобщения научно-теоретических подходов к оценке кредитоспособности заёмщиков.

Особое значение имеет дифференциация заёмщиков. У физических лиц кредитоспособность в большей степени зависит от стабильности доходов, долговой нагрузки, регулярности обязательных платежей и платежной дисциплины. У субъектов малого бизнеса ключевое значение имеют обороты по счетам, сезонность выручки, налоговая дисциплина, концентрация покупателей и поставщиков, а также устойчивость деловой активности. У корпоративных заёмщиков возрастает роль финансовой отчетности, отраслевого риска, инвестиционных обязательств, качества обеспечения и внутреннего финансового контроля.

Внедрение цифровой оценки требует соблюдения принципа "данные - согласие - качество - анализ - контроль". Сначала клиент предоставляет осознанное согласие на использование своих данных. Затем данные поступают из банковских, платежных, кредитных и иных разрешенных источников. После этого банк обеспечивает их проверку, стандартизацию, защиту, сопоставимость и актуализацию. Только затем цифровая модель может формировать экономически обоснованную оценку кредитоспособности. Завершающим элементом выступают внутренний контроль, аудит, комплаенс и

регуляторный мониторинг.

С научной точки зрения важнейшим результатом цифровизации является переход от узкого понимания кредитоспособности как документально подтвержденной возможности возврата кредита к ее расширенному пониманию как цифрового профиля финансового поведения заёмщика. Такой профиль включает устойчивость доходов, характер расходов, долговую нагрузку, платежную дисциплину, кредитную историю, транзакционную активность, цифровую идентифицируемость и прозрачность источников данных. Именно такая трактовка позволяет соединить классическую банковскую теорию с современными требованиями риск-менеджмента.

Проведенное исследование показывает, что развитие финансовых технологий требует пересмотра теоретических подходов к оценке кредитоспособности заёмщика. В современных условиях кредитоспособность уже не может ограничиваться формальной проверкой доходов, залога и прошлой кредитной истории. Она должна рассматриваться как динамическая экономическая характеристика, отражающая устойчивость денежных потоков, платежную дисциплину, долговую нагрузку, транзакционное поведение и качество цифровой информации.

Для коммерческих банков Узбекистана такой подход имеет практическое значение, поскольку позволяет повысить точность кредитных решений, сократить информационную асимметрию, развивать ответственное кредитование и улучшать качество управления кредитным портфелем. При этом цифровая модель должна быть не только технологичной, но и объяснимой, правомерной и контролируемой. Только соединение данных, согласия клиента, качества информации, экономической интерпретации и банковского контроля способно обеспечить устойчивую трансформацию оценки кредитоспособности в условиях развития финансовых технологий.

Список литературы / References

1. *Абдуллаева Ш.З., Азизов У.У.* Банковское дело: учебник. - Ташкент: Iqtisod-Moliya, 2019.
2. *Давыдова А.А.* Анализ и оценка кредитоспособности заёмщика финансовыми организациями: обзор подходов и методов оценки // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. - 2023. - Т. 2, № 1(51). - С. 204-211.
3. *Arner D.W., Barberis J., Buckley R.P.* FinTech, RegTech, and the Reconceptualization of Financial Regulation // *Northwestern Journal of International Law & Business.* - 2017. - Vol. 37, No. 3. - P. 371-413.
4. *He Z., Huang J., Zhou J.* Open Banking: Credit Market Competition When Borrowers Own the Data // *Journal of Financial Economics.* - 2023. - Vol. 147, No. 2. - P. 449-474.
5. О мерах по дальнейшему развитию сферы финансовых технологий в Узбекистане: Постановление Президента Республики Узбекистан от 27 ноября 2025 г. № ПП-359.
6. *Berg T., Burg V., Gombović A., Puri M.* On the Rise of FinTechs: Credit Scoring Using Digital Footprints // *The Review of Financial Studies.* - 2020. - Vol. 33, No. 7. - P. 2845-2897.
7. *Dastile X., Celik T., Potsane M.* Statistical and Machine Learning Models in Credit Scoring: A Systematic Literature Survey // *Applied Soft Computing.* - 2020. - Vol. 91. - Article 106263.

DEVELOPMENT OF FINANCIAL INSTRUMENTS TO SUPPORT ENERGY EFFICIENCY AND RENEWABLE ENERGY PROJECTS IN UZBEKISTAN

Oripov I.A. (Republic of Uzbekistan)

*Oripov Ilkhom Abdullaevich - Applicant,
TASHKENT BRANCH OF PLEKHANOV RUSSIAN UNIVERSITY OF ECONOMICS
TASHKENT, REPUBLIC OF UZBEKISTAN*

Abstract: *The article examines the development of financial instruments to support energy efficiency and renewable energy projects in the context of the formation of a green economy in the Republic of Uzbekistan. The necessity of expanding the use of banking, investment and government financial mechanisms to ensure sustainable financing of energy infrastructure modernization projects is substantiated. The role of green lending, subsidies, guarantees and public-private partnership mechanisms in increasing investment activity and reducing financial risks is assessed. Recommendations are proposed to improve the financing system for energy efficiency and renewable energy projects based on the principles of results-oriented financing and integration of financial resources.*

Keywords: *financial instruments, energy efficiency, renewable energy, investment, green economy, green finance.*

РАЗВИТИЕ ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ПОДДЕРЖКИ ПРОЕКТОВ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ И ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Орипов И.А. (Республика Узбекистан)

*Орипов Илхом Абдуллаевич – Соискатель,
Ташкентский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Ташкент, Республика Узбекистан*

Аннотация: *в статье рассматриваются направления развития финансовых инструментов поддержки проектов энергоэффективности и возобновляемой энергетики в условиях формирования «зелёной» экономики Республики Узбекистан. Обоснована необходимость расширения использования банковских, инвестиционных и государственных финансовых механизмов для обеспечения устойчивого финансирования проектов модернизации энергетической инфраструктуры. Проведена оценка роли зелёного кредитования, субсидий, гарантий и механизмов государственно-частного партнёрства в повышении инвестиционной активности и снижении финансовых рисков. Предложены рекомендации по совершенствованию системы финансирования проектов энергоэффективности и возобновляемой энергетики на основе принципов результат-ориентированного финансирования и интеграции финансовых ресурсов.*

Ключевые слова: *финансовые инструменты, энергоэффективность, возобновляемая энергетика, инвестиции, зелёная экономика, банковское финансирование.*

В условиях ускоренного роста энергопотребления и модернизации национальной экономики обеспечение устойчивого финансирования проектов энергоэффективности и возобновляемой энергетики становится одним из ключевых факторов экономического развития Республики Узбекистан. Современные тенденции мировой экономики свидетельствуют о том, что переход к низкоуглеродной модели развития сопровождается увеличением объёмов инвестиций в экологически ориентированные проекты и расширением использования инновационных финансовых инструментов. По данным международных организаций, ежегодные инвестиции в энергетический сектор продолжают расти, при этом

значительная часть средств направляется на развитие возобновляемых источников энергии и повышение энергоэффективности производства [1].

В Республике Узбекистан развитие проектов энергоэффективности и возобновляемой энергетики осуществляется в рамках государственной политики перехода к «зелёной» экономике, предусматривающей снижение энергоёмкости экономики, увеличение доли возобновляемых источников энергии и повышение эффективности использования энергетических ресурсов. В соответствии с национальными стратегическими документами к 2030 году планируется увеличение установленной мощности возобновляемых источников энергии до 15,0 ГВт и снижение выбросов парниковых газов на 35,0% [3]. Реализация указанных целей требует формирования эффективной системы финансового обеспечения инвестиционных проектов и расширения участия банковского и инвестиционного сектора в развитии энергетической инфраструктуры.

Финансовые инструменты поддержки проектов энергоэффективности и возобновляемой энергетики играют ключевую роль в обеспечении устойчивого развития экономики, поскольку они позволяют мобилизовать инвестиционные ресурсы, снизить финансовые риски и повысить доступность финансирования для предприятий и организаций. В современных условиях особое значение приобретают механизмы зелёного кредитования, субсидирования процентных ставок, предоставления государственных гарантий и реализации проектов на основе государственно-частного партнёрства. Использование указанных инструментов способствует повышению инвестиционной активности и ускорению внедрения энергоэффективных технологий в промышленности и социальной сфере.

Как показано в диссертационном исследовании, эффективность финансирования проектов энергоэффективности и возобновляемой энергетики определяется не только объёмом привлечённых финансовых ресурсов, но и результативностью их использования, выражающейся в снижении энергопотребления, уменьшении затрат на энергоснабжение и повышении устойчивости функционирования предприятий. В этой связи особое значение приобретает внедрение системы оценки эффективности финансирования проектов, основанной на комплексном учёте финансовых, энергетических, экологических и социальных показателей.

Международный опыт показывает, что развитие рынка зелёных финансовых инструментов способствует формированию устойчивой инвестиционной среды и повышению конкурентоспособности экономики. Исследования показывают, что внедрение зелёных облигаций и специализированных финансовых механизмов позволяет привлекать долгосрочные инвестиции и снижать стоимость капитала для предприятий, реализующих проекты энергоэффективности и возобновляемой энергетики [2]. В условиях ограниченности бюджетных ресурсов использование таких инструментов становится важным фактором обеспечения финансовой устойчивости инвестиционных программ и повышения эффективности использования государственных средств.

Развитие финансовых инструментов поддержки проектов энергоэффективности и возобновляемой энергетики оказывает существенное влияние на экономическое развитие страны, поскольку способствует снижению производственных затрат, повышению энергоэффективности предприятий и созданию новых рабочих мест. Кроме того, внедрение современных технологий энергосбережения обеспечивает снижение негативного воздействия на окружающую среду и повышение качества жизни населения.

Таблица 1. Основные финансовые инструменты поддержки проектов энергоэффективности и возобновляемой энергетики.

Финансовый инструмент	Содержание инструмента	Экономический эффект
Банковские кредиты	предоставление долгосрочных кредитов на модернизацию оборудования	повышение инвестиционной активности предприятий
Государственные субсидии	компенсация процентных ставок и затрат на внедрение технологий	снижение финансовой нагрузки на предприятия
Государственные гарантии	обеспечение возврата кредитов по инвестиционным проектам	снижение кредитных рисков банков
Государственно-частное партнёрство	совместное финансирование инфраструктурных проектов	привлечение частных инвестиций
Зелёные облигации	выпуск долговых инструментов для финансирования экологических проектов	мобилизация долгосрочных инвестиционных ресурсов

Проведённое исследование показало, что в условиях ускоренного перехода Республики Узбекистан к «зелёной» экономике развитие финансовых инструментов поддержки проектов энергоэффективности и возобновляемой энергетики приобретает ключевое значение для обеспечения устойчивого экономического роста, повышения энергетической безопасности и рационального использования природных ресурсов. Установлено, что эффективное функционирование системы финансирования таких проектов зависит не только от объёма привлечённых финансовых ресурсов, но и от качества финансовых инструментов, уровня институционального развития и наличия механизмов оценки результативности инвестиционных решений. В диссертационном исследовании обосновано, что зелёный инвестиционный проект должен обеспечивать комплексный эффект, включающий экономию энергоресурсов, снижение выбросов, повышение производственной эффективности и улучшение социально-экономических условий развития территорий, что требует расширения традиционных подходов к финансированию инвестиционных проектов.

Анализ показал, что в современных условиях приоритетным направлением совершенствования финансовой системы поддержки проектов энергоэффективности и возобновляемой энергетики является переход к интегрированной модели финансирования, основанной на объединении бюджетных средств, банковских кредитов, международных финансовых ресурсов и частных инвестиций в единую финансово-экономическую систему. Такой подход позволяет обеспечить устойчивость инвестиционного процесса, повысить доступность финансовых ресурсов для предприятий и ускорить внедрение энергоэффективных технологий в промышленности, энергетике и социальной сфере.

Практическое значение полученных результатов заключается в том, что внедрение современных финансовых инструментов, включая зелёные кредиты, субсидии, государственные гарантии и механизмы государственно-частного партнёрства, способствует снижению инвестиционных рисков, повышению инвестиционной активности и формированию благоприятной инвестиционной среды для реализации проектов модернизации энергетической инфраструктуры. Установлено, что использование комплексной системы оценки эффективности финансирования проектов позволяет обеспечить более рациональное распределение финансовых ресурсов, повысить прозрачность инвестиционных процессов и увеличить отдачу от вложенных средств.

В целях дальнейшего совершенствования системы финансирования проектов энергоэффективности и возобновляемой энергетики целесообразно обеспечить институциональное закрепление механизмов смешанного финансирования, предусматривающих координацию действий государственных органов, коммерческих банков, международных финансовых организаций и частных инвесторов. Реализация данного направления позволит повысить эффективность использования финансовых

ресурсов, обеспечить устойчивость инвестиционных программ и ускорить внедрение инновационных технологий энергосбережения.

Необходимо расширить применение механизмов зелёного кредитования и разработать единые стандарты оценки инвестиционных проектов энергоэффективности и возобновляемой энергетики, основанные на принципах результат-ориентированного финансирования, при котором выделение финансовых ресурсов осуществляется с учётом достигнутых энергетических, экономических и экологических результатов. Введение унифицированной системы оценки эффективности проектов позволит повысить качество инвестиционных решений, снизить уровень финансовых рисков и обеспечить устойчивое развитие энергетического сектора экономики.

В долгосрочной перспективе реализация предложенных направлений совершенствования финансовых инструментов поддержки проектов энергоэффективности и возобновляемой энергетики позволит обеспечить снижение энергоёмкости экономики, повышение эффективности использования энергетических ресурсов, укрепление энергетической безопасности и формирование устойчивой модели экономического развития Республики Узбекистан на основе принципов «зелёной» экономики и инновационного развития.

Список литературы / Reference

1. International Energy Agency. World Energy Investment 2025. — Paris: IEA, 2025.
2. International Renewable Energy Agency. Global Landscape of Energy Transition Finance 2025. — Abu Dhabi: IRENA, 2025.
3. Постановление Президента Республики Узбекистан от 2 декабря 2022 года № ПП-436 «О мерах по повышению эффективности реформ, направленных на переход Республики Узбекистан на “зелёную” экономику до 2030 года».
4. *Flammer C.* Corporate green bonds // *Journal of Financial Economics*. — 2021. — Vol. 142. — Issue 2. — P. 499–516.
5. *Mazzucato M., Semieniuk G.* Financing renewable energy: Who is financing what and why it matters // *Technological Forecasting and Social Change*. — 2018. — Vol. 127. — P. 8–22.

REGIONAL FEATURES OF YOUTH EMPLOYMENT AND DIGITAL LABOUR MOBILITY IN UZBEKISTAN

Kholmukhamedov M.M. (Republic of Uzbekistan)

*Kholmukhamedov Mukhsinjon Murodullaevich - Researcher,
TASHKENT BRANCH OF PLEKHANOV RUSSIAN UNIVERSITY OF ECONOMICS
TASHKENT, REPUBLIC OF UZBEKISTAN*

Abstract: *The article examines regional characteristics of youth employment, unemployment and digital labor mobility in the context of labor market transformation in the Republic of Uzbekistan. Demographic, professional qualification and digital factors affecting the structure of youth employment are analyzed. It is substantiated that regional differentiation of socio-economic development, differences in economic structure and level of digitalization significantly affect forms of youth employment, labor mobility and sustainability of labor income. Directions for improving regional youth employment policy based on the development of digital infrastructure, vocational training and targeted support systems for youth employment are proposed.*

Keywords: *youth employment, labor market, digitalization of economy, labor mobility, regional labor market, digital competencies, youth unemployment.*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАНЯТОСТИ И ЦИФРОВОЙ ТРУДОВОЙ МОБИЛЬНОСТИ МОЛОДЁЖИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Холмухамедов М.М. (Республика Узбекистан)

Холмухамедов Мухсинжон Муродуллаевич - научный соискатель

Ташкентский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова

г. Ташкент, Республика Узбекистан

Аннотация. В статье исследуются региональные особенности занятости, безработицы и цифровой трудовой мобильности молодёжи в условиях трансформации рынка труда Республики Узбекистан. Проанализированы демографические, профессионально-квалификационные и цифровые факторы, влияющие на структуру молодёжной занятости. Обосновано, что региональная дифференциация социально-экономического развития, различия в структуре экономики и уровне цифровизации оказывают существенное влияние на формы занятости молодёжи, масштабы трудовой мобильности и устойчивость трудовых доходов. Предложены направления совершенствования региональной политики занятости молодёжи на основе развития цифровой инфраструктуры, профессиональной подготовки и адресной системы поддержки молодёжной занятости.

Ключевые слова: занятость молодёжи, рынок труда, цифровизация экономики, трудовая мобильность, региональный рынок труда, цифровые компетенции, молодёжная безработица.

В современных условиях цифровая трансформация экономики существенно изменяет механизмы формирования и развития региональных рынков труда молодёжи. Усиление межрегиональных различий в уровне экономического развития, структуре занятости, цифровой инфраструктуре и инвестиционной активности оказывает прямое влияние на возможности трудоустройства молодёжи, масштабы трудовой мобильности и устойчивость занятости. В условиях Республики Узбекистан данная проблема приобретает особое значение вследствие высокой доли молодёжи в структуре населения, ежегодного роста предложения молодой рабочей силы и необходимости обеспечения эффективного включения молодого поколения в систему социально-трудовых отношений.

Молодёжный рынок труда представляет собой один из наиболее чувствительных сегментов экономики, поскольку именно через него осуществляется переход молодёжи от образования к производительной занятости, формируются профессиональные навыки и происходит накопление человеческого капитала. В отличие от взрослого населения молодёжь обладает более высокой мобильностью, восприимчивостью к новым технологиям и способностью адаптироваться к цифровым изменениям экономики, однако одновременно чаще сталкивается с рисками нестабильной занятости, профессионально-квалификационного несоответствия и отсутствия практического опыта.

По данным Международной организации труда, мировой уровень безработицы среди молодёжи остаётся значительно выше уровня безработицы взрослого населения, что отражает сложность перехода молодого поколения от образования к устойчивой занятости [1]. В условиях цифровой экономики данная проблема усиливается, поскольку рынок труда предъявляет всё более высокие требования к уровню цифровых компетенций, способности работать с информационными технологиями и готовности к профессиональной адаптации.

Для Республики Узбекистан проблема молодёжной занятости имеет выраженный региональный характер. Региональные рынки труда существенно различаются по уровню урбанизации, структуре экономики, инвестиционной активности, масштабу развития промышленности и сферы услуг, что влияет на формы занятости молодёжи и возможности профессиональной реализации. В столичных и индустриальных регионах выше уровень формальной занятости и спрос на квалифицированный труд, тогда как в аграрных и удалённых территориях молодёжь чаще вовлекается в неформальную, сезонную и

нестабильную занятость.

Особое значение в современных условиях приобретает цифровая трудовая мобильность молодёжи. Под цифровой трудовой мобильностью следует понимать способность молодых работников использовать цифровые платформы, дистанционные формы занятости, онлайн-коммуникации и цифровые сервисы для поиска работы, профессионального взаимодействия и получения дохода вне зависимости от территориальных ограничений. Данная форма мобильности существенно расширяет возможности трудоустройства молодёжи, особенно в регионах с ограниченным количеством формальных рабочих мест.

Вместе с тем цифровая трансформация рынка труда создаёт не только новые возможности, но и новые риски. Расширение платформенной занятости, фриланса и дистанционной работы способствует росту гибких форм труда, однако одновременно может усиливать нестабильность занятости, неформальные трудовые отношения и отсутствие социальных гарантий. В диссертационном исследовании обосновано, что молодёжный рынок труда характеризуется более высокой уязвимостью к нестабильной и временной занятости по сравнению с общим рынком труда, что требует усиления институциональной поддержки молодёжи и развития механизмов профессиональной адаптации.

В современных условиях цифровизация экономики приводит к изменению структуры спроса на рабочую силу. Работодатели всё больше ориентируются не только на формальное образование, но и на наличие цифровых навыков, способности к обучению, проектного опыта и умения работать в условиях быстро меняющихся технологий. Это особенно важно для молодёжи, поскольку именно молодые работники быстрее осваивают новые цифровые инструменты и обладают более высокой адаптивностью к изменениям рынка труда.

Существенное влияние на занятость молодёжи оказывает профессионально-квалификационное несоответствие между системой образования и потребностями экономики. В условиях быстрого обновления технологий часть выпускников сталкивается с тем, что полученные знания не полностью соответствуют требованиям работодателей. В результате возрастает значение практико-ориентированного обучения, стажировок, дуального образования и взаимодействия образовательных организаций с работодателями.

В условиях цифровой экономики особое значение приобретает развитие институциональной инфраструктуры поддержки молодёжной занятости. Молодой человек нуждается не только в рабочем месте, но и в системе профессиональной ориентации, карьерного сопровождения, цифровых сервисов занятости, механизмов наставничества и поддержки первого трудоустройства. Именно поэтому современная молодёжная политика должна объединять образование, цифровую инфраструктуру, региональное развитие и систему содействия занятости в единую институциональную модель регулирования рынка труда молодёжи.

Таблица 1. Региональные особенности молодёжной занятости и трудовой мобильности в Узбекистане.

Тип регионального рынка труда	Основные формы занятости молодёжи	Основные риски	Приоритетные направления регулирования
Столично-индустриальный	формальная занятость, цифровые сервисы, сфера услуг	высокая конкуренция молодых специалистов	развитие цифровых компетенций и стажировок
Аграрно-демографический	самозанятость, сезонная занятость, миграция	избыток предложения рабочей силы	развитие предпринимательства и профессионального обучения

Регион с трудовой миграцией	временная и внешняя трудовая мобильность	нестабильность доходов и неформальная занятость	поддержка легальной занятости и цифровых платформ
Регион развивающейся цифровой инфраструктурой	дистанционная работа, платформенная занятость	недостаток цифровых навыков	развитие цифровой инфраструктуры и онлайн-обучения

В диссертационном исследовании подчёркивается, что эффективное функционирование молодёжного рынка труда невозможно без активного участия институтов образования, служб занятости, работодателей, цифровых платформ и механизмов поддержки молодёжного предпринимательства. Особенно важно развитие цифровых платформ занятости, позволяющих молодёжи получать доступ к вакансиям, образовательным программам, стажировкам и дистанционным формам занятости.

Современные государственные подходы Республики Узбекистан предусматривают повышение эффективности системы работы с молодёжью, развитие профессиональной ориентации и цифровизацию механизмов мониторинга занятости. В Указе Президента Республики Узбекистан от 10 сентября 2025 года № УП-163 подчёркивается необходимость формирования конкурентоспособных кадров на основе своевременного выявления профессиональных интересов молодёжи и совершенствования цифровой системы работы с молодёжью [4]. Реализация данных направлений имеет важное значение для сокращения молодёжной безработицы, повышения устойчивости занятости и формирования современной модели регионального рынка труда.

Таким образом, региональные особенности занятости и цифровой трудовой мобильности молодёжи отражают глубинные изменения, происходящие в структуре экономики и системе социально-трудовых отношений. Развитие цифровой инфраструктуры, совершенствование профессиональной подготовки, поддержка молодёжного предпринимательства и внедрение современных цифровых механизмов содействия занятости позволят повысить эффективность использования человеческого капитала молодёжи, обеспечить устойчивость трудовых доходов и создать условия для сбалансированного социально-экономического развития регионов Республики Узбекистан.

Список литературы / References

1. International Labour Organization. Global Employment Trends for Youth 2024: Decent Work, Brighter Futures. — Geneva: ILO, 2024.
2. Deming D.J. The Growing Importance of Social Skills in the Labor Market // The Quarterly Journal of Economics. — 2017. — Vol. 132. — No. 4. — P. 1593–1640.
3. Vallas S., Schor J.B. What Do Platforms Do? Understanding the Gig Economy // Annual Review of Sociology. — 2020. — Vol. 46. — P. 273–294.
4. Указ Президента Республики Узбекистан от 10 сентября 2025 года № УП-163 «О мерах по повышению эффективности системы работы с молодёжью в махаллях».
5. Абдурахманов К.Х. Трансформация рынка труда в условиях внедрения искусственного интеллекта // Экономика труда. — 2023. — Т. 10. — № 2. — С. 227–246.
6. Санкова Л.В., Богаченко Е.Д., Отставнова Л.А. Молодежь на рынках труда регионов: основные тренды, новые вызовы и перспективы // Human Progress. — 2024. — Т. 10. — № 1.

PHILOLOGICAL SCIENCES

LINGUISTIC AND PRAGMATIC FEATURES OF ENGLISH-LANGUAGE STAND-UP DISCOURSE

Khandzhyan D.D.¹, Zyza A.S.² (Russian Federation)

¹Khandzhyan Diana Davidovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor;

²Zyza Alina Sergeevna - Student,

ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY,
ARMAVIR

Abstract: The article discusses the linguistic and pragmatic mechanisms of English-language stand-up discourse. The article analyzes the violation of the Grice cooperative principle, irony and self-irony, the category of (not)politeness, as well as narratives of personal experience as ways to create a comic effect and influence the audience.

Keywords: linguistic pragmatics, stand-up discourse, cooperative principle, maxims of Grice, irony, author's presupposition, (not)politeness.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО СТЭНДАП ДИСКУРСА

Ханджян Д.Д.¹, Зыза А.С.² (Российская Федерация)

¹Ханджян Диана Давидовна - кандидат филологических наук, доцент;

²Зыза Алина Сергеевна - студент,

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»,
г. Армавир

Аннотация: в статье рассматриваются лингвопрагматические механизмы англоязычного стендап-дискурса. Анализируются нарушение кооперативного принципа Грайса, ирония и самоирония, категория (не)вежливости, а также нарративы личного опыта как способы создания комического эффекта и воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: лингвопрагматика, стендап-дискурс, кооперативный принцип, максимы Грайса, ирония, авторская пресуппозиция, (не)вежливость.

Стендап-комедия (stand-up comedy) — популярный жанр юмористического дискурса, характеризующийся публичным монологом живого комика перед аудиторией с высокой степенью интерактивности. Несмотря на широкую распространённость, его лингвопрагматические механизмы остаются недостаточно изученными. Цель статьи — выявить ключевые прагматические приёмы, обеспечивающие комический эффект в англоязычном стендапе.

Нарушение кооперативного принципа Грайса. Основой стендап-шуток служит намеренное игнорирование максим П. Грайса. Наиболее частотное нарушение Максимы Качества (гипербола, ирония, ложные утверждения) — около 50% случаев. Часто комбинируются несколько максим (например, Качества и Релевантности), что создаёт «многослойный» юмор. Менее распространено, но эффективно нарушение Максимы Релевантности (неожиданные, абсурдные ответы). Таким образом, «поломка» кооперации становится осознанным приёмом, формирующим игровой фрейм.

Ирония и самоирония. В стендапе функционируют три вида иронии: вербальная, драматическая и ситуационная. Ключевую роль играет авторская пресуппозиция — разделяемые со зрителем фоновые знания, которые комик затем ниспровергает. Современные формы — постирония и метаирония (игра с реальностью, пастиш). Самоирония служит для установления доверительного контакта: демонстрация уязвимости комика парадоксально усиливает его авторитет.

Категория (не)вежливости. Стендап-комик сознательно нарушает правила вежливости. Невежливость носит «мнимый» характер: благодаря игровому фрейму зрители не воспринимают оскорбления как реальную угрозу. В этническом стендапе особую роль играет тактика уступки — принижение себя как представителя культуры или оправдание спорной шутки для «спасения лица» слушателей.

Нарратив личного опыта. Обращение к аксиогенным нарративам из жизни создаёт эффект сопричастности и правдивости. Даже художественно приукрашенная история из личного опыта повышает манипулятивный потенциал высказывания, вовлекая аудиторию через разделённый опыт.

Англоязычный стендап-дискурс опирается на комплекс лингвопрагматических механизмов: нарушение максим Грайса, иронию и самоиронию, мнимую невежливость, тактики уступки и нарративы личного опыта. Перспективным является сопоставительное изучение стендапа в разных лингвокультурах (британской, американской и др.) и диахронический анализ эволюции прагматических средств.

Список литературы / References

1. Ханджян Д.Д., Зыза А.С. Язык и культура: лингвокультурология // Проблемы науки, 2026.
2. Ханджян Д.Д., Зыза А.С. Роль обучения лингвострановедческому аспекту в средней школе // Проблемы педагогики, 2026.
3. Ханджян Д.Д., Зыза А.С. Особенности функционирования нейросетей в генерации текстов // Вестник науки и образования, 2026.
4. Ханджян Д.Д., Зыза А.С. Аудиовизуальный перевод: понятие // European research, 2026.
5. Марданова М.А. Стилистические приемы в англоязычном юмористическом монологическом высказывании дискурса стендап-комедии // Russian Linguistic Bulletin. — 2026. — №4 (76).

SEMANTIC STRUCTURE AND DISCURSIVE TRANSFORMATION OF THE CONCEPT «GOTT» IN THE GERMAN LANGUAGE: LINGUACOGNITIVE AND CULTURAL-DISCURSIVE ANALYSIS Assemkhanova Z.Sh. (Republic of Kazakhstan)

*Assemkhanova Zagirash Shamenovna - Master of Arts, Senior Lecturer,
KAZAKH-GERMAN UNIVERSITY,
ALMATY, REPUBLIC OF KAZAKHSTAN*

Abstract: *the article analyzes the semantic structure of “Gott” in German using componential, cognitive, and discourse approaches. It identifies key features and their transformations in literature and journalism, highlighting metaphorization processes. The study concludes that the concept is dynamic, context-dependent, and functions as an open semantic system and cognitive tool for understanding human experience.*

Keywords: *semantics, concept, Gott, cognitive linguistics, metaphor, discourse, secularization, immanentization, German language, literature.*

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ДИСКУРСИВНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «GOTT» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ И КУЛЬТУРНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

Асемханова З.Ш. (Республика Казахстан)

*Асемханова Загираш Шаменовна - магистр гуманитарных наук, старший преподаватель
Казахстанско-Немецкий университет,
г. Алматы, Республика Казахстан*

Аннотация: в статье анализируется семантическая структура концепта «Gott» в немецком языке с позиций компонентного, когнитивного и дискурсивного подходов. Рассматриваются ключевые семы и их трансформация в литературе и публицистике. Делается вывод о динамичности концепта и его функционировании как открытой когнитивной системы осмысления человеческого опыта.

Ключевые слова: семантика, концепт, Gott, когнитивная лингвистика, метафора, дискурс, секуляризация, имманентизация, немецкий язык, художественная литература.

УДК 811.112.2

В современной лингвистике, ориентированной на интеграцию семантического, когнитивного и дискурсивного подходов, особую значимость приобретает исследование культурно маркированных концептов, обладающих высокой степенью семантической сложности и вариативности. Одним из таких концептов является понятие *Gott* («Бог»), которое в немецком языке функционирует не только как теологическая категория, но и как универсальный когнитивный конструкт, отражающий фундаментальные представления человека о мире, власти, морали и смысле существования. При этом данный концепт выступает в качестве одного из ключевых элементов немецкой языковой картины мира, поскольку аккумулирует в себе как религиозно-философские, так и культурно-исторические смыслы, формирующиеся на протяжении длительного периода развития европейской цивилизации [1].

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью системного анализа семантической структуры данного концепта, а также выявления механизмов его реализации и трансформации в различных типах дискурса, прежде всего в художественной литературе и публицистике. В рамках данной работы предполагается, что значение слова *Gott* представляет собой не статичную единицу, а динамическую систему взаимосвязанных сем, которые актуализируются в зависимости от контекста употребления и подвержены процессам метафоризации, секуляризации и когнитивной переинтерпретации, что, в свою очередь, свидетельствует о высокой степени адаптивности данного концепта к изменяющимся условиям культурной коммуникации.

Целью исследования является выявление и описание базовых семантических компонентов понятия «Gott» в немецком языке, анализ их репрезентации в текстах художественной литературы и публицистики, а также определение основных направлений семантической трансформации данного концепта в условиях современной языковой и культурной динамики.

В рамках компонентного анализа, широко применяемого в современной лексической семантике, значение слова рассматривается как совокупность элементарных смысловых признаков — сем, которые в своей совокупности формируют концептуальную структуру лексической единицы [2, с. 45]. Применительно к понятию *Gott* можно выделить ряд базовых сем, обладающих высокой степенью устойчивости в исторической перспективе, однако допускающих вариативную интерпретацию в различных дискурсивных условиях. К

числу таких сем относятся: трансцендентность, всемогущество, творческое начало, моральная власть и личность. Вместе с тем, в рамках когнитивной семантики подчеркивается, что значение не является фиксированной сущностью, а формируется в процессе концептуализации и категоризации опыта [3, с. 112], вследствие чего семантическая структура концепта *Gott* оказывается подверженной существенным изменениям под влиянием культурных, философских и социальных факторов.

Дополнительное теоретическое обоснование дает теория концептуальной метафоры, согласно которой абстрактные понятия осмысляются через перенос значений из более конкретных когнитивных доменов [4]. В этом контексте «Бог» может выступать как источник метафорической проекции для описания власти, контроля или высшей инстанции, что особенно ярко проявляется в современных дискурсивных практиках.

В немецкой литературе конца XIX — начала XX века концепт *Gott* часто репрезентируется как трансцендентная, принципиально недостижимая сущность, находящаяся за пределами человеческого опыта. Так, в первой «Дуинской элегии» Райнер Мария Рильке: „Weg, wenn ich schrie, hörte mich denn aus der Engel Ordnungen?“ [5, с. 9]. Данная формула выражает не только иерархическую структуру мироздания, но и радикальную дистанцию между человеком и высшими сущностями, что позволяет интерпретировать её как косвенную репрезентацию семы трансцендентности, при которой Бог мыслится как принципиально недостижимый центр бытия.

В произведениях Франца Кафка наблюдается принципиально иная семантическая конфигурация, в которой традиционные представления о Боге как источнике порядка и смысла подвергаются деконструкции. Например: „Es gibt ein Ziel, aber keinen Weg; was wir Weg nennen, ist Zögern“ [6, с. 214]. Данная формулировка отражает экзистенциальную ситуацию, характеризующуюся отсутствием ясной трансцендентной инстанции, направляющей человеческое существование, вследствие чего актуализируется сема «молчания Бога», что является типичной чертой модернистского дискурса.

Особого внимания заслуживает также творчество Германа Гессе, в котором концепт Бога нередко приобретает синкретический и философски обобщённый характер. Так, в романе «Сиддхартха» встречается следующая идея: „Die Welt war schön, wenn man sie ohne Suchen betrachtete“ [7]. Хотя Бог прямо не упоминается, здесь имплицитно пантеистическое понимание божественного как внутренней гармонии мира, что свидетельствует о переосмыслении семы трансцендентности в сторону имманентности.

В творчестве Томаса Манна концепт «Бог» нередко реализуется через категорию морального закона, регулирующего человеческое поведение. В романе «Волшебная гора» читаем: „Der Mensch soll um der Güte und Liebe willen dem Tode keine Herrschaft einräumen über seine Gedanken“ [8, с.342]. Несмотря на отсутствие прямого упоминания Бога, данная формулировка имплицитно существование высшей нравственной инстанции, что позволяет говорить о реализации семы моральной власти.

Дополнительный пример можно обнаружить у Бертольта Брехта, который в своих произведениях нередко подвергает религиозные представления критическому переосмыслению: „Erst kommt das Fressen, dann kommt die Moral“ [9]. Данное высказывание деконструирует традиционную морально-религиозную иерархию, что косвенно свидетельствует о секуляризации концепта Бога.

В более поздних текстах наблюдается тенденция к интериоризации понятия Бога, что выражается в переносе его из трансцендентной сферы во внутренний мир человека. У Рильке: „Gott ist das Innere aller Dinge.“ [10, с. 56]. Данное высказывание свидетельствует о радикальной трансформации концепта, в рамках которой Бог интерпретируется как внутренняя сущность, что соответствует тенденциям имманентизации в современной культуре.

В современном медиадискурсе наблюдается активное использование концепта *Gott* в переносном значении, что обусловлено процессами секуляризации и расширения семантического поля. В частности, широко распространены метафорические конструкции типа: «рынок — новый Бог», «данные — новый Бог», «алгоритм действует как Бог».

Подобные выражения демонстрируют перенос сем «всемогущество» и «контроль» на экономические и технологические системы, что соответствует описанным в когнитивной лингвистике механизмам концептуальной метафоры.

Следует подчеркнуть, что подобная метафоризация не является случайной, а отражает глубинные изменения в структуре современного мышления, где традиционные религиозные категории переосмысляются в рамках технократической и постсекулярной парадигмы. В этом смысле концепт *Gott* начинает функционировать как универсальная модель для описания предельных форм власти и контроля, независимо от их онтологической природы.

Анализ языкового материала позволяет выделить несколько ключевых направлений изменения семантики концепта *Gott* в немецком языке:

1. метафоризация, заключающаяся в переносе религиозных значений на нерелигиозные сферы;
2. секуляризация, проявляющаяся в ослаблении сакрального компонента;
3. имманентизация, предполагающая интериоризацию концепта;
4. дискурсивная вариативность, обусловленная различиями между художественным и публицистическим типами текста.

Указанные процессы свидетельствуют о том, что концепт «Gott» функционирует как открытая, динамически развивающаяся семантическая система, чувствительная к изменениям культурного и социального контекста.

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что понятие *Gott* в немецком языке представляет собой сложный, многокомпонентный семантический конструкт, структура которого определяется взаимодействием устойчивых и вариативных сем. Его репрезентация в художественной литературе и публицистике демонстрирует широкий спектр интерпретаций — от традиционно религиозных до метафорических и секулярных, что свидетельствует о высокой степени концептуальной гибкости данного понятия.

Особое значение имеют процессы метафоризации, секуляризации и имманентизации, которые отражают глубокие трансформации в культурном сознании современного общества. В этом контексте «Gott» следует рассматривать не только как религиозный термин, но и как универсальный когнитивный инструмент, посредством которого осмысляются базовые категории человеческого опыта, включая власть, порядок, смысл и экзистенциальную определённую.

Список литературы / References

1. *Assmann J.* Totale Religion: Ursprünge und Formen puritanischer Verschärfung. Wien: Picus Verlag, 2017, 320 S.
2. *Busse D., Ketsba-Khundadze L.* Grundzüge der germanistischen Sprachwissenschaft. Eine Einführung. Paderborn: Brill-Fink, 2022, 285 S.
3. *Ziem A.* Frames and sprachliches Wissen: Kognitive Aspekte der Bedeutungsanalyse. Berlin: De Gruyter, 2020, 485 S.
4. *Lakoff G., & Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 2015, 128 S.
5. *Rilke R.M.* Duineser Elegien. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 2015.
6. *Kafka F.* Nachgelassene Schriften und Fragmente II. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 2017.
7. *Hesse H.* Siddhartha. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2017.
8. *Mann T.* Der Zauberberg. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2016.
9. *Brecht B.* Die Dreigroschenoper. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2016.
10. *Rilke R.M.* Das Stunden-Buch. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 2018.

METAPHORICAL MODELING OF THE CONCEPT OF “BEAUTY” THROUGH THE PHYTONYM “ALMA” (APPLE) Abatbaeva N. (Republic of Uzbekistan)

*Abatbaeva Nursulw Master's Student,
KARAKALPAK STATE UNIVERSITY NAMED AFTER BERDAKH
NUKUS, REPUBLIC OF UZBEKISTAN*

Abstract: *This article examines the metaphorical modeling of the concept of “beauty” based on materials from Karakalpak folk dastans (epic narratives). Particular attention is paid to the linguocognitive and linguocultural features of representing this concept through the phytonym “alma” (apple). Drawing on the analysis of samples of oral folk творчество, the study identifies the semantic and figurative potential of this phytonym, as well as its functions in aesthetic evaluation, comparison, and idealization.*

Keywords: *concept of “beauty”, metaphorical modeling, phytonym, apple, linguoculturology, linguocognitive analysis, conceptual metaphor, Karakalpak folklore, folk epics, semantics, imagery.*

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА “КРАСОТА” С ПОМОЩЬЮ ФИТОНИМА “АЛМА” (ЯБЛОКО) Абатбаева Н. (Республика Узбекистан)

*Абатбаева Нурсульу – магистрант
Каракалпакский государственный университет имени Бердаха
г. Нукус, Республика Узбекистан*

Аннотация: *в данной статье на материале каракалпакских народных дастанов рассматривается метафорическое моделирование концепта “красота”. Особое внимание уделяется лингвокогнитивным и лингвокультурологическим особенностям репрезентации данного концепта посредством фитонима “алма” (яблоко). На основе анализа образцов устного народного творчества выявляются семантические и образные возможности данного фитонима, его функции эстетической оценки, сопоставления и идеализации.*

Ключевые слова: *концепт “красота”, метафорическое моделирование, фитоним, яблоко, лингвокультурология, лингвокогнитивный анализ, концептуальная метафора, каракалпакский фольклор, народные эпосы, семантика, образность.*

Каракалпакский фольклор является богатым источником, воплощающим многовековой эстетический, духовный и культурный опыт народа. В этих образцах фольклора красота человека выражается через различные образы, метафоры и художественные средства. Одним из таких средств являются фитонимы, то есть названия растений.

Метафорическое моделирование – это система объяснения и выражения одного концепта посредством образного переноса на основе другого концепта. В когнитивной лингвистике метафора рассматривается не только как художественное средство, но и как механизм мышления и концептуализации. Выражение концепции красоты посредством фитонимов основано на метафорической модели, где эстетические качества человека изображаются с помощью образов растений.

В данной работе мы попытались проанализировать особенности отражения красоты в каракалпакском фольклоре с помощью фитонима “яблоко” с лингвокультурологической, семантической и стилистической точек зрения. Этот фитоним как языковая единица обозначает названия, относящиеся к растительному миру. Однако в фольклорных текстах они выходят за рамки простой номинативной функции и приобретают символическое и

образное значение. Каждый образ растения вызывает в сознании людей определённые эстетические и эмоциональные ассоциации.

Фитонимы несут определённую семантическую и эстетическую нагрузку в общественном мнении. Каждое название растения непосредственно связано с традиционными ассоциациями, обычаями, традициями и ценностями, сложившимися в сознании людей. Например, такие фитонимы, как “гүл”, “райхан”, “лала”, “терек”, “шынар” используются не только как природные объекты, но и как символические выражения таких понятий, как красота, нежность, чистота, выносливость или верность. Поэтому изображения, созданные с помощью фитонимов в текстах эпосов, обогащают эстетическое чувство и ярче раскрывают внешние и внутренние качества героев.

В народных эпосах отражение концепта красоты через фитонимы рассматривается как лингвопоэтическое явление, проявляющееся на основе семантического расширения языковых единиц, метафорических и метонимических переносов. При этом такие свойства растений, как цвет, запах, внешний вид, нежность или выносливость, переносятся на образ человека. В результате изображение красоты приобретает яркий и живой вид, создавая перед глазами слушателя или читателя яркие картины природы или образ прекрасной девушки.

Кроме того, концепция красоты, выраженная через фитонимы, также отражает национально-культурные особенности. Каждый народ, в соответствии со своей природной средой, климатом и образом жизни, воспринимает определённые растения как эстетический критерий.

В нашем языке фитоним “яблоко” выражает красоту девушки по цвету её лица (красное яблоко, жёлтое яблоко) или аромату (сладкий, как яблоко). Например:

Гүлдей жүзи жайнаған

Еки бети алмадай

Уўылжыған қып-қызыл

Жатқан екен перийзат (Қаншайым)

Мысль о красоте в рядах возникла благодаря фитониму “яблоко” красного цвета.

Айнажамал қыздың алма мойнына,

Мен барып билекти салмасам болмас (Ер Зийўар)

В приведенном примере можно увидеть, как ароматная, красивая девушка сравнивает шею с яблоком.

В народных эпосах яблоки часто используются не только для женской красоты, но и для изображения красоты окружающей среды – природы. Обычно мы представляем себе красивую картину, чья природа привлекает людей через “порсылдап пискен алма” (спелые яблоки).

Әнжир, алмасы пискен, торсылдап жерге түскен, қумрылар дем шегип, тотылар сөз айтып, бүлбиллер сайрап, пәттеклер нала шегип турған Шәрьярдың бағын көрди. (Шәрияр)

Следует также отметить, что в этом примере, наряду с фитонимом “яблоко”, зоонимы, такие как “кумыры”, “тоты”, “бүлбил” также создают концепт красоты. Читая строки, мы представляем себе рай и прекрасный сад. Безусловно, особого внимания заслуживает то, что фитонимы и зоонимы использовались вместе, выражая сильное экспрессивное значение.

В каракалпакских народных эпосах фитоним “яблоко” также уместно используется для выражения красоты животных:

Жаз күни пискен алмадай,

Көзиң сулыў торы атым (Қоблан)

В отличие от приведенных выше примеров, здесь не цвет или запах яблока, а его форма описывает красивые круглые глаза животного.

В изображении красоты с помощью лексемы “яблоко” есть одна особенность – это использование фрукта в разных цветах. В каракалпакском фольклоре красота выражается не только красными, но и зелеными и желтыми яблоками:

Қызыл алма қызарып,

Жапырағынан үзилген.

Ақ алмалар сарғайып,

Әбден писип жетилген.

Бадам, әнжир, жүзимлер

Писип жерге төгилген... (Ер Зийўар)

В данном примере великолепный облик сада с его необычайно красивой природой описывается через фитоним “яблоко”, а также фитонимы “бадам”, “әнжир” и “жүзим” (“миндаль”, “инжир” и “виноград”). Такое последовательное использование нескольких фитонимов для выражения концепта красоты придаёт мысли сильную экспрессию.

Лексема “яблоко” также используется для обозначения противоположности красоты, “непривлекательности” и “некрасивости”: ...мойны гүшпектей, бети шарық алмадай жанып, не бир қалмақлардың өлиги жатыр. (Қурбанбек)

В этом примере, с помощью лексемы “яблоко”, изображается природа, противоположность прекрасному, изящному виду.

В заключение, в ходе наших исследований мы стали свидетелями частого отражения красоты через фитоним “яблоко”. Эта лексема издавна часто используется в образном, переносном значении в народном устном творчестве. Например, сюжеты о том, чтобы отравить отравленное яблоко, отдав его принцессе, или о том, чтобы выразить свою любовь и привязанность к возлюбленной через красное яблоко, очень распространены. Кроме того, можно упомянуть фитоним “яблоко” как одну из центральных, основополагающих лексем концепта красоты.

В научных источниках отмечается, что в образцах устного народного творчества в большом количестве метафоризируется название растения, и даны объяснения значения ряда фитонимов. Согласно им, фитоним “яблоко” используется для обозначения беременности, ребёнка, взрослой и привлекающей внимание девушки, а также, наряду с любовью, лица возлюбленной. Как видно, фитоним “яблоко” часто используется для обозначения красоты.

Список литературы / References

1. *Абдиназимов Ш.* Лингвопэтика (оқыў қолланба). – Тошкент: Ёшлар нашриёти, 2020. – 152 б.
2. *Абатбаева Н.* Концепт, как объект современных лингвистических исследований. Вестник науки и образования. 2025. №9(164) Часть 2.
3. *Бойматова Н.К.* Семантическое поле концепта «Красота» в таджикской и английской лингвокультурах: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Душанбе, 2019. – 22 с.
4. *Оқунева И.О.* Концепт «Красота» в русском и английском языках: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Москва, 2009. – 25 с.
5. *Сафаров Ш.* Когнитив тилшунослик. –Жиззах: Сангзор, 2006.–92б.

CXIV INTERNATIONAL CORRESPONDENCE SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW OF THE PROBLEMS AND
PROSPECTS OF MODERN SCIENCE AND EDUCATION

Boston. USA. May 12-13, 2026
[HTTPS://SCIENTIFIC-CONFERENCE.COM](https://scientific-conference.com)

**LIBRARY OF
CONGRESS (USA)**

**COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES
PUBLISHED BY ARRANGEMENT WITH THE AUTHORS**

You are free to:

Share – copy and redistribute the material in any medium or format

**Adapt – remix, transform, and build upon the material
for any purpose, even commercially.**

Under the following terms:

**Attribution – You must give appropriate credit,
provide a link to the license, and indicate if changes were made.**

**You may do so in any reasonable manner,
but not in any way that suggests the licensor endorses you or your use.**
**ShareAlike – If you remix, transform, or build upon the material, you must
distribute your contributions under the same license as the original.**

ISBN 978-1-64655-172-9
INTERNATIONAL CONFERENCE

PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA